

Глава 2. Традиционный адыгский феодализм

(XVI – XVIII вв.)

XVI –XVIII вв. – период расцвета традиционного адыгского феодализма с характерными для него чертами: многоступенчатой сословной иерархией, закрепощением всего крестьянства, повсеместным господством вотчины, сильной военной организацией, ярко выраженной рыцарской идеологией и т.д. Именно в это время адыгская (черкесская) культура через кабардинцев распространяется по всему Кавказу и становится синонимом аристократизма и комильфотности.

2. 1. Социальная структура адыгского феодального общества

2.1.1. Сословная иерархия господствующего класса

Общественная эволюция на протяжении XVI–XVIII вв. не внесла существенных изменений в социальный строй адыгов. Уже к началу этого периода их обычное право детально регламентировало взаимоотношения различных сословий. Жесткая структурированность сословной иерархии основывалась прежде всего на разделении военно-управленческих функций, составлявших привилегию феодалов, и производственных обязанностей, выполнявшихся крестьянами.

На вершине сословной лестницы находились князья – *пши*. Они представляли высший слой феодальной знати среди кабардинцев, бесленеевцев, темиргоевцев, бжедугов, хатукаевцев, егерухаевцев и махошевцев. До конца XVIII в. одна княжеская фамилия проживала среди натухайцев.

Социальный статус князей в первую очередь определялся тем, что в пределах своих княжеств они являлись верховными земельными собственниками и обладали высшей политической властью. По словам К.Ф. Сталя, пши считался «главою всего народа (чилле), начальником его вооруженных сил» (293, с.142). В материалах Терской сословно-поземельной комиссии отмечалось, что «управление Кабардой как по внешним, так и по внутренним делам, равно и предводительствование вооруженными силами, исключительно принадлежало княжескому сословию, которое, кроме сего, пользовалось правом возведения лиц свободного состояния в достоинство зависимого от себя ворка подарками им земельных участков и разрешением селиться особыми аулами» (Архив КБИГИ, ф.1, оп.2, д.12, л.93).

Верховная власть в уделе обязывала князя поддерживать в нем правопорядок, стоять

на страже законов, что в свою очередь, давало ему право наказывать подвластных за их нарушения. С. Броневский, рассматривая законы феодальной Кабарды, подчеркивал:

«1. Князь может наказать своего узденя за какой-либо главный проступок смертью или отобранием от него крестьян, скота и всего имущества.

2. За измену, ослушание и дерзость князь властен предать смерти своего крестьянина или вместо того разорить его дом и распродать все его семейство» (54, с.117). Особым видом наказаний являлись штрафы за «несоблюдение благопристойности» к его особе. Хан-Гирей писал, что «князья за малейшее оскорбление, нередко даже мнимое, взыскивают с виновного пеню, называемую шьвагх» (330, с.130). Если в присутствии князя подрались два человека, то зачинщик платил ему одну холопку (239, с.112). Такой же штраф взыскивался с лица, совершившего прелюбодеяние со служанкой князя (239, с.112).

Высокое социальное положение кабардинского князя выражалось и в его личной неприкосновенности. «Самые неукротимые республиканцы, - писал С. Броневский, - уважают княжеские особы, которые по общему мнению признаны за неприкосновенных» (54, с.44). За покушение на жизнь князя подвергали смертной казни не только виновного, но и всю его семью (293, с.142).

Стремясь подчеркнуть собственную исключительность, адыгские князья возводили свои генеалогические связи к иностранным корням. Высокое и обособленное социальное положение пши поддерживалось сословной замкнутостью и сакрализацией личной неприкосновенности князей. Они заключали брачные связи либо внутри своего сословия либо с правящими династиями России, Крымского ханства, Грузии, Дагестана и Ногайских татар.

Пши имел право беспрепятственно распоряжаться определенной частью имущества вассалов в форме своеобразного насильственного займа. Причем владелец отчуждаемого имущества под угрозой штрафа не имел права препятствовать такому изъятию. Особенно строго этот порядок соблюдался в отношении имущества, необходимого в военном быту: лошадей, холодного и огнестрельного оружия, охотничьего снаряжения и т.п.

Вместе с тем у князя по отношению к вассалам существовали разнообразные материальные обязательства, отчасти компенсировавшие ущерб, нанесенный отчуждением собственности дворянина. Основной формой их реализации являлся *уорктын* – институт «дворянских пожалований». В них включались земельные участки, крепостные крестьяне, домашние рабы, оружие, лошади, мелкий и крупный рогатый скот и т.д. Размер уорктына определялся положением дворянина в сословной иерархии и возможностями сюзерена. Периодически возобновляемые одаривания вассалов стали обязательным правилом во взаимоотношениях в рамках господствующего класса. Оно приняло настолько гипертро-

фированные формы, что, в принципе, любая вещь, принадлежащая князю, могла стать объектом косвенной просьбы дворянина, которая выражалась в форме похвалы понравившегося предмета.

Доходы князя складывались из подати, получаемой от всего населения удела за пользование его землей, ренты, уплачиваемой непосредственно принадлежащими ему крестьянами, торговых пошлин, штрафов, военной добычи, а у кабардинских князей еще и дани с подвассальных племен и народностей: западных чеченцев, ингушей, осетин, балкарцев, карачаевцев и абазинцев.

Образ жизни князя и система ценностей, которых он придерживался, определялись потребностями феодального общества, находившегося в состоянии постоянных внутренних и внешних военных конфликтов. Пши не только предводительствовал войсками, но и принимал непосредственное участие в бою в первых рядах сражающихся. Только таким путем он мог приобрести репутацию бесстрашного рыцаря и удостоиться того, чтобы его деяния были воспеты *гегуако*, которых В.К. Гарданов сравнивал с придворными бардами и менестрелями средневековой Западной Европы (70, с.172).

Особое место в сословной структуре адыгского феодального общества занимали *тума*, «которые в сословном порядке хотя и выше тлекотлешей, но полных княжеских прав не имеют» (263, с.12). Социальную категорию тума, образовавшуюся в результате неравных браков князей, следует отличать от их незаконнорожденных детей, которые также назывались тума, но причислялись к разряду узденей третьей степени (185, с.232).

Характер взаимоотношений в среде господствующего класса определялся развитой системой вассалитета. В условиях войны она действовала как четко отлаженный механизм быстрой мобилизации вооруженных сил удельного княжества, обеспечивая тем самым его постоянную готовность к отражению неприятеля.

Дворянство подразделялось на сословия *тлекотлешей*, *диженуго*, *беслан-уорков* и *уорк-шаотлугусов*. С XVI в. в качестве синонима традиционному понятию «уорк» в русских источниках, а затем и в свидетельствах западноевропейских путешественников распространяется чуждое адыгскому языку тюркское слово «уздень». В первой четверти XIX в. для обозначения различных социальных групп дворян царской администрацией стало применяться деление на четыре степени, также не свойственные традиционным представлениям адыгов о сословной иерархии. Тем не менее оба терминологических нововведения прочно закрепились в источниках, постепенно вошли в употребление среди самих адыгов и в дальнейшем стали широко использоваться в исторических исследованиях.

«Великими вассалами» князей (С. Броневский) являлись первостепенные дворяне *тлекотлешии* и *диженуго*. Среди абадзехов, шапсугов, натухайцев тлекотлешии занимали

верхнюю ступень феодальной иерархии. В русских источниках конца XVI в. знатные адыгские дворяне фигурировали под названием «козлары» и «дужнюки». Первый термин происходил от адыгского слова «кодз», которым обозначалась должность главного помощника удельного князя. В XVIII в. тюркизированный термин «козлары» заменяется термином «коц». С начала XIX в. оба сословия по классификации русских властей считались первостепенными уорками или узденями. Хан-Гирей приводит еще два названия первостепенных дворян, употреблявшихся в разных частях Черкесии: «оркълорко» (предположительно, родовитый дворянин) и «оркишко» (большой дворянин) (331, с. 212).

Наиболее могущественные фамилии тлекотлешей не ограничивались служением одному сюзерену. Куденетовы, фамильные привилегии которых перечислялись в десяти отдельных статьях «Народного условия» 1807 г. (свода обычноправовых норм), состояли на службе у князей Атажукиных, Мисостовых и Кайтукиных. Тлекотлеша Анзоровы являлись вассалами Бекмурзиных и Ахловых.

Пши старались избегать конфликтов с представителями высшего дворянства, опасаясь спровоцировать их уход к другому сюзерену и тем самым дестабилизировать сословную иерархию в своем уделе. Среди других дворянских сословий тлекотлеша и диженуго обладали существенным преимуществом: имели собственных вассалов – уоркшаотлугусов – наиболее многочисленную дворянскую категорию, составлявшую основу вооруженных сил. Привлекая на вассальную службу первостепенных дворян, князья становились верховными сюзеренами их вассалов и этим вполне эффективно укрепляли свое могущество.

Изначально диженуго пользовались равными правами с тлекотлешами и лишь впоследствии в силу меньшей численности собственных подвластных, объем их реальной власти в обществе уменьшился. Роль первостепенных дворян в общественной жизни была разнообразна и значительна. Во взаимоотношениях адыгов с Россией, Турцией, Крымским ханством, Грузией, Шамхальством Тарковским и другими государствами они осуществляли дипломатические функции.

Понимая значимость этого сословия, царское правительство в XVIII в. требовало кабардинских аманатов не только от княжеских фамилий, но и от первостепенного дворянства.

В период обострения княжеских междоусобиц в Кабарде во второй четверти XVIII в. знатные дворяне проводили согласованную политику, направленную на восстановление равновесия сил между враждовавшими партиями; выступали с посредническими инициативами в деле примирения сторон; на правах гостеприимства предоставляли в своих владениях убежище князьям, которые потерпели военное поражение; оказывали поддержку

князьям-изгнанникам в их стремлении вернуться в Кабарду и обрести прежний статус; участвовали в работе медиаторских комиссий по урегулированию крупных межсословных конфликтов. Все это свидетельствовало о том, что в критические моменты истории первостепенные дворяне выступали стабилизирующим фактором, предотвращая внутреннюю анархию и саморазрушение адыгского общества в результате княжеских распрей.

Усиление междоусобиц в Кабарде в 20-х гг. XVIII в. оказало деструктивное воздействие на все общество в целом, в том числе на положение тлехотлешей. Пренебрегая существовавшими ограничениями феодального права, князья стали нарушать старинные привилегии своих знатнейших вассалов, девальвировали их традиционный статус, разрушая базовые принципы вассалитета. Но окончательный упадок их могущества связан с ликвидацией прежней власти князей и разрушением феодальной иерархии в результате колониальной политики российского самодержавия.

Беслан-уорки – прямые вассалы князя, считались потомственными незнатными дворянами, а с начала XIX в. были отнесены к разряду второстепенных. По легенде, на которую ссылается Ш. Б. Ногмов, эта категория дворян была выделена верховным князем Кабарды Бесланом Джанхотовым (240, с.126). В дальнейшем его имя стало составной частью названия сословия княжеских уорков. Вместе с тем примечательно, что в «Постановлениях о сословиях в Кабарде» и «Записках о Черкесии» Хан-Гирея в качестве другого названия второстепенных дворян и «личных княжеских узденей» употребляется определение пшикеу («пшекау») (240, с.152; 331, с.118-119).

Уорк-шаотлугусы, согласно делению, введенному царскими чиновниками, считались дворянами третьей степени и состояли на службе у тлехотлешей и диженуго. Это звание приобретали княжеские крестьяне, главным образом, вольноотпущенники, которых затем переводили в непосредственную вассальную зависимость от первостепенных дворян. В случае смерти их сюзерена и отсутствия у него наследников нормы межсословных отношений предусматривали возможность перехода уорк-шаотлугуса на службу к сюзерену его бывшего сюзерена, т.е. князю, с повышением социального статуса до беслан-уорка.

Незнатные дворяне проживали в ауле сюзерена или на территории его удела собственными аулами. Их повседневной обязанностью являлось сопровождение пши или знатных уорков в различных поездках и военных мероприятиях. Им, по словам В. Н. Кудашева, «кабардинцы обязаны, главным образом, своими завоеваниями и своею славою, как воинственного и сильного народа» (172, с.113)

Одной из дискуссионных проблем адыговедения остается сословная идентификация пшикеу и бейголей. Уже отмечалось, что Хан-Гирей ставит *пшикеу* на вторую, после тле-

котлешей и диженуго, ступень иерархии адыгских уорков. В «Постановлениях о сословиях в Кабарде» поясняется, что пшикеу «не вроде холопов, но и не равняются узденям» (240, с.153). В 1820-х гг. секретарь Временного кабардинского суда Я. Шарданов причислил пшикеу к узденям четвертой категории (172, с.114). Ш. Ногмов называет «пшикеу» первым классом крестьян (240, с.125).

Потомственный титул пшикеу князь предоставлял некоторым из собственных крепостных крестьян. Превращение холопа в вольноотпущенника, а последнего - в пшикеу совершалась одним актом: князь возвращал ему в качестве «узденской дани» часть имущества, полученного в качестве выкупа за предоставление свободы. В большинстве своем они проживали в пщыкъуажэ, находились в распоряжении князя и являлись, по существу, его личной охраной (пшикеу буквально означает «княжеская ограда»). Пшикеу пользовались определенным комплексом общих для всех уорков привилегий, а некоторые из них, наиболее состоятельные, обладали правами аульных владельцев-вотчинников. Являясь доверенными лицами князей, уорки четвертой степени пользовались особым расположением и покровительством пши и вместе с тем более чем другие представители дворянства были зависимы и подчинены своему сюзерену. Характерным показателем своеобразия их статуса было то, что в случае убийства пшикеу князь мстил за него или получал «цену крови» по самой высокой шкале.

Бейголи – должностные лица вотчинных администраций, не обладавшие статусом отдельного сословия. Этим званием обычно наделялись вольноотпущенники, которые собирали натуральные и денежные повинности, взыскивали штрафы; выполняли различные хозяйственно-распорядительные функции в его доме. Бейголи располагали значительно меньшими привилегиями, оставаясь фактически лично зависимыми от князя или дворянина.

Хан-Гирей подчеркивал, что бейголи исполняли поручения, которые князь не мог возложить на дворян, «ибо эти последние гнушаются» такими обязанностями (331, с.120). Между тем штат бейголей содержали не только пши, но и тлекотлешы, диженуго и наиболее влиятельные беслан-уорки. Кроме того, характер их полномочий в некоторой степени определялся социальным происхождением.

В «Записках о Черкесии» говорится, что обязанности распорядителя в доме князя на торжествах или траурных мероприятиях выполняли «биеколишхо» (великие бейголи) из второстепенных дворян (331, с.213), которых Хан-Гирей обозначает как «пшикеу». Тем же термином в «Постановлениях о сословиях в Кабарде» названы уздени, которые «находятся безотлучно при князе и исправляют его домашнюю работу, смотрят за порядком в его доме и охраняют его» (240, с.153). С. Броневский считает бейголей («бегаулов»)

«ближними и дворовыми людьми», которые князьям и узденям «несут службу в виде холопов» (55, с.176). И. Бларамберг отмечал, что, помимо «крестьян, у князей и узденей» есть «колоны и их собственные люди, которые заняты работой на фермах, их называют «бегаули» или «бегауля». Далее он уточняет: «колоны находятся в услужении у князя или дворянина» (48, с. 208).

Приведенные свидетельства дают основания предполагать, что адыгское «пшикеу» и тюркское «бейголь» были разными определениями одной, но внутренне неоднородной социальной группы или своеобразного «должностного класса» (Хан-Гирей). Общими функциями пшикеу и бейголей являлось участие в управлении вотчинным хозяйством своего господина. Главное отличие первых заключалось в принадлежности к княжескому двору (или свите). Не исключено, что звание пшикеу носили те второстепенные дворяне, которые, помимо основных прерогатив, обладали определенными должностными полномочиями, являясь своеобразными придворными мажордомами пши и выполняя наиболее почетные распорядительные функции. Вместе с тем важно отметить, что звания «большой» и «маленький» бейголь также определялись территорией, на которую распространялись их полномочия: для первых – весь княжеский удел, для вторых – пределы вотчины-деревни.

2.1.2. Крестьяне и рабы

Адыгское крестьянство в феодальную эпоху было разделено на отдельные и относительно замкнутые социальные группы.

Самой значительной из них являлись тфокотли. К. Ф. Сталь и Н.Ф.Дубровин включали тфокотлей в состав незнатных дворян. Хан-Гирей считал их свободными крестьянами или «вольными земледельцами». Ф.И. Леонтович (вероятно, под влиянием Н. Карлгофа) называет «свободных простолюдинов» средним сословием между дворянами и крепостными (70, с.198-199). Я. Н. Раенко-Турановский и М. Н. Покровский сравнивали тфокотлей с «третьим сословием» в странах Западной Европы (70, с.200). В. К. Гарданов, указывая на неоднородность адыгских тфокотлей, считает, что их «нельзя полностью отождествлять ни с одним классом феодального общества» (70, с.197)

По всей видимости, одна из причин возникновения различных взглядов на проблему определения статуса тфокотлей состоит в том, что указанные авторы основывали свои суждения на материалах по разным адыгским субэтносам. Различия в положении тфокотлей, главным образом, определялись степенью их феодальной зависимости от дворян, уровнем

социально-экономической дифференциации в среде самих «вольных земледельцев», а также особенностями генезиса данного сословия. В. К. Гарданов считает их социальным слоем, генетически связанным с доклассовым обществом, отмечая, что положение тфокотлей у различных групп адыгов складывалось по-разному (70, с.196)

В княжеских владениях Черкесии их закрепощение еще не завершилось, за исключением Кабарды, где сословие «вольных земледельцев» отсутствовало, а «тлхукотлы» являлись разновидностью крепостных крестьян (Х. М. Думанов). Дифференциация в среде тфокотлей у западноадыгских «аристократических» субэтнотосов проявлялась в том, что одна их незначительная часть пополняла ряды незнатного дворянства, другая выделилась в разряд влиятельных «старшин» тфокотлей, а подавляющее большинство постепенно приближалось к положению пшитль – крепостных.

Хан-Гирей, характеризуя положение шапсугских тфокотлей до конца XVIII в. писал, что они «составляли народ, подчиненный дворянству на определенных неясно, но тем не менее тягостных условиях» (70, с.199). Опираясь на эти сведения, В. К. Гарданов делает вывод, что среди «демократических» адыгов процесс закрепощения «вольных земледельцев» «зашел не так далеко», прежде всего в силу успешной антифеодальной борьбы (70, с.199).

Между тем такое объяснение не кажется бесспорным, поскольку содержание антифеодальной борьбы, продолжавшейся в течение двух столетий, могло заключаться как в отстаивании прежнего архаичного статуса свободных общинников, так и в завоевании крепостными крестьянами нового для них положения «вольных земледельцев». Также нельзя исключать возможность того, что процессы демократизации у шапсугов, натухайцев и абадзехов развивались не в одном направлении, а имели свои существенные особенности в каждом из этих субэтнотосов. Решение этих проблем (так и не найденное современным адыговедением) принципиально для понимания предпосылок и сущности «демократического переворота» на рубеже XVIII–XIX вв., завершившегося установлением так называемого «народного правления» (Хан-Гирей).

Всех вольноотпущенников обозначали термином *ицхьэицэхуж*. В источниках пореформенного периода для разграничения их разновидностей использовались термины *азэ-тыжь* (т.е. старый азат, освобожденный до повсеместной отмены крепостного права в 60-х гг. XIX в.) и собственно *азэт* применительно к получившим свободу после крестьянской реформы. Но по инерции в народной памяти за ними сохранилось прежнее название, подчеркивающее их социальное происхождение. Вольноотпущенников из лагунаутов называли *тлхукотлами*, а из огов – *тлхукошао*. В дальнейшем семантика этих терминов определялась в зависимости от контекста их использования.

К наиболее традиционным способам приобретения звания вольноотпущенников относились: освобождение за плату по договоренности с владельцем; брак крепостного и свободной женщины, потомки которого обладали правами азатов; развод в семье огов, в результате которого бывшая жена получала статус тлхукошао. Выкуп некогда пленного за пределами Кабарды холопа, либо его самостоятельное возвращение к прежнему господину также открывали возможность на определенных условиях повысить социальное положение. С утверждением среди адыгов ислама и усилением его влияния, особенно в период шариатского движения в Кабарде начала XIX в., широко распространилась практика отпуска на волю «для спасения души».

Крепостной, получив свободу, тем не менее оставался в экономической и личной зависимости от бывшего владельца. По особой договоренности с ним азат должен был выполнять некоторые сельскохозяйственные работы и оказывать разнообразные услуги, предусмотренные обычным правом. Существенным ограничением его свобод являлась обязанность проживать в ауле прежнего господина и следовать за ним, если он переселялся в другую местность. Таким образом, социальное положение вольноотпущенников вполне стало соответствовать парадоксальному определению «вольные холопы», содержащемуся в судебных документах первой половины XIX в.

Исторически более ранними обозначениями крепостных сословий *лагунаут* и *ог (чагар)* являлись тлхукотлы и тлхукошао. Они составляли слой так называемых «обрядных холопов», обладавших по адату определенными личными и имущественными правами, т.е. были субъектами обычного права. Их объединяли общим названием «*пшитль*».

Сообразно социальному статусу владельцев, лагунауты делились на четыре разряда по принадлежности князьям, дворянам, вольноотпущенникам и крепостным. Лагунауты являлись главной рабочей силой в феодально-крепостническом хозяйстве и выполняли, кроме дворовых повинностей, своеобразные «барщинные» работы.

Оги (тлхукошао) представляли собой категорию оброчных крестьян. Ее возникновение было отчасти связано с выделением из лагунаутов особой разновидности крестьян, которых знатные владельцы привлекали к исполнению «благородных» обязанностей, сопряженных, главным образом, с военным делом или участием в охране господина. В экстремальных ситуациях представители этой социальной группы составляли пешее войско, которое в традиционной военной организации адыгов имело вспомогательное значение. Однако основная масса данного сословия формировалась не за счет лагунаутов, а посредством закрепощения феодалами пришлых безземельных крестьян. С согласия владельцев селений они оседали на их территории и постепенно обращались в крепостных. С XVII в. для их обозначения стало применяться тюркское слово «чагар», которое впоследствии

широко употреблялось в русских источниках.

В Кабарде XVIII в. они являлись главной движущей силой восстаний, инициаторами разнообразных акций неповиновения и основными участниками побегов за ее пределы. По этим причинам, а также в связи с переходом значительной части тлхукошао в разряд вольноотпущенников, их численность неуклонно сокращалась.

Низшую ступень социальной иерархии занимали домашние рабы – *унауты*. Среди них преобладали женщины. Их ценность для князей и дворян определялась прежде всего тем обстоятельством, что «ни одна женщина не только свободная, но и из обрядных холопов, не согласится жить и работать в чужом доме за плату, в какой бы она сама ни была бедности, считая это занятие унижительным и свойственным только служанке-унаутке» (165, с.100).

При всем том, что унауты являлись не субъектами, а объектами обычного права, мужчина-унаут, достигший совершеннолетия, имел право требовать от владельца покупки ему жены-лагунаутки. Заключение брака сопровождалось его переводом в сословие лагунаут. Этим объясняется сравнительно небольшой удельный вес мужчин в общей массе унаутов.

2.1.3. Вотчина

Основной социальной единицей адыгского этнического социума в XVI-XVIII вв. являлась вотчина, которая пространственно совпадала с традиционным селом (къяужэ).

В этот период все без исключения селения являлись вотчинами, имели своего владельца (къяужэпщ), назывались по его фамилии и условно подразделялись на пщы къяужэ (княжеские села) и уэркъ къяужэ (дворянские села). Правами вотчинника обладали князья, а также представители сословий тлекотлеш, диженуго, беслан-уорк, уорк-шаотлугусо и даже отдельные пшикеу. Каждый из них вплоть до 1820-х гг. оставался полноправным господином в своем владении и представлял подвластных жителей за его пределами: на хасах, княжеских или дворянских советах и т.п.

В источниках отмечается, что все дворяне «имеют право владеть землею, крестьянами, доставшимися им по наследству и приобретаемыми покупкою; и в обоих случаях они суть полные и независимые владельцы» (139, с.65). Однако такую независимость следует понимать не в буквальном смысле, а как самостоятельность в реализации вотчинных прав. Иными словами, к этому вопросу надо подходить диалектически: вотчинная земельная собственность дворян условна и ограничена в рамках иерархической структуры землевладения, но внутри вотчины-деревни, и прежде всего по отношению к непосредственным

производителям, она наиболее полным образом проявляет свою частнособственническую сущность. Точно так же обстояло дело с военно-административной властью вотчинников, которая ограничивалась вышестоящим сюзереном, но являлась верховной в пределах села.

Иерархическая структура землевладения и его коллективно-родственные принципы характеризовали преимущественно отношения между собственниками, тогда как внутри вотчины феодальная земельная собственность реализовывалась, главным образом, через отношение к не собственникам, т.е. через их эксплуатацию.

В этом смысле она функционировала на трех уровнях: 1) в рамках вассалитета; 2) в составе «фамилий» или «родов»; 3) внутри вотчины-общины. Для первого и второго уровней характерны, большей частью, отношения перераспределения ренты, для третьего – само присвоение ренты, или отношения эксплуатации. Едва ли нужно доказывать первостепенное значение форм и процессов непосредственной реализации феодальной земельной собственности в къяужэ и подчиненность им других аспектов ее функционирования. Именно в социально-экономическом плане вотчины князей (пши), тлекотлешей, дженуго и незнатных уорков были однотипны, являясь феодальными вотчинами. Различия между последними, обусловленные их местом в феодальной иерархии, второстепенны по сравнению с общим для них социально-экономическим содержанием.

Земельная собственность каждого къяужэпщ'а одновременно являлась объектом общинного землепользования проживающих в его селении дворян, свободных и оброчных крестьян. Существовавшая в къяуже система ежегодных переделов пахотной земли была подчинена основной цели вотчинной организации - присвоению прибавочного продукта.

Периодическое распределение вотчинной пахотной земли осуществлялось по производственному принципу, причем в два этапа: сначала по плугам, затем по числу быков, находившихся в супряге. Архивные и литературные материалы ясно показывают взаимосвязь определенных видов отработочной и продуктовой ренты с особенностями земледелия, землепользования и трудовой кооперации в къяуже. В свою очередь, то обстоятельство, что формы ренты, соответствуя структуре земельных наделов, носили твердо фиксированный характер и обнаруживали единообразие (доходящее до совпадения в мельчайших деталях) у всей группы «аристократических» субэтнотосов, свидетельствует не только о стабильной и хорошо налаженной системе вотчинного хозяйства, но и о давности его происхождения.

Роль вотчинной власти в организации производственного процесса в къяуже была весьма велика. Вотчинная администрация осуществляла надзор за выполнением установленных хозяйственных распоряжений, наказывала за их нарушение, назначала доверенных

лиц для распределения пахотных земель, санкционировала сроки проведения полевых работ, обеспечивала их синхронность с действиями вооруженной охраны, координировала взаимодействие трудовых объединений и т.д.

В «Описании кабардинского народа» 1748 г. отмечалось, что «владельцы их весною и в осень во время сева и собирания хлеба выезжают в поле и прикрывают работу своих подданных» (137, с.160). Данные архивных документов подтверждаются и литературными источниками, относящимися к началу XIX в. «Во время жатвы и сенокоса, – писал С. Броневский, – князья и дворяне разъезжают по полям вооруженные как для надзирания за сельскими работами, так и для прикрытия работников, и живут месяца по два в лагерях (кошах) со всею воинской осторожностью» (55, с.192).

Вотчина как бы переносилась в поле, четко локализуясь в пространстве и повторяя там все характерные особенности своей структуры. Временные трудовые объединения крестьян возникали внутри, а не вне этой своего рода сезонной субвотчины и всецело подчинялись ей, координируя свою деятельность и согласовывая ее с охраной, которая плотным кольцом окружала место их работы, что придавало вотчинной производственной организации военизированный характер.

Здесь можно говорить о социальном и пространственном изоморфизме между вотчиной в обычных условиях и ее слепком в производственные циклы.

Воздействие вотчины на производственную организацию къяужэ сказывалось в той степени, в какой потребность присвоения прибавочного продукта диктовала необходимость выполнения эксплуатируемыми крестьянами определенных видов организованного труда, способствующих достижению этой цели. В обстановке постоянных княжеских междоусобиц наиболее целесообразной оказалась военизированная форма организации их труда.

Обеспечивая «надзиранием» и «прикрытием работников» нормальный ход производственного процесса, къяужэпщ и его вассалы гарантировали себя от перебоев в поступлении ренты. Однако «надзирание» за сельскими работами преследовало и другие задачи. Жестко регламентируя дневной цикл трудовой деятельности крестьян, следя за порядком одновременного выхода их на работу и возвращения на полевой стан, пши и уорки, помимо всего прочего, стремились предотвратить побегі крепостных крестьян, не исключая и азатов. Таким образом, отчуждение от крестьян военно-управленческих функций лишало их свободы также и в организации собственного труда.

В каждой вотчине-деревне проживало довольно большое количество «безаульных» дворян, которые условно подразделялись на две группы. К первой относились уорки, не имевшие собственных участков за пределами къяужэ. При переделах они получали зе-

мельные наделы, которые обрабатывались их лагунаутами. Важной статьёй их доходов являлась также рента с оброчных крестьян (огов), пользовавшихся отдельными паями общесельской земли. Никто из этих дворян, в отличие от крепостных, не был в принципе лишен права на земельную собственность. Они выступали потенциальными земельными собственниками или соучастниками феодальной земельной собственности в качестве получателей того или иного вида феодального дохода. Входя в феодальную иерархию, незнатные уорки участвовали в перераспределении ренты, которая в конечном счете являлась реализацией монополии феодального класса в целом на земельную собственность.

Проживая в вотчине-деревне, пользуясь наделами вотчинной земли, незнатные дворяне находились в поземельной и административно-политической зависимости от ее владельца. Однако его власть не только не ущемляла их самостоятельность в эксплуатации крестьян, но и, напротив, гарантировала ее неприкосновенность. Их иммунитет во взаимоотношениях со своими крепостными охранялся обычным правом и всей системой вассалитета. Подобное поместье в социально-экономическом плане являлось вотчиной, точнее, субвотчиной или просто мелкой вотчиной, которая состояла из двора уорка и примыкавших к нему крестьянских дворов, которые в совокупности образовывали квартал в деревне (хьэблэ).

Вторая группа дворян, не имеющих собственных аулов, владела на правах частной собственности земельными участками вне вотчины-деревни, хотя внутри нее пользовались наделами общесельской (вотчинной) земли. Такие мелкие вотчины еще не оторвались от основной единицы владения, но при прочих равных условиях имели больше шансов перерасти в вотчину-деревню, чем первая разновидность мелкой вотчины.

Расположение двора уорка на территории вотчины-деревни, пользование наделами общесельской земли, административно-политическая зависимость от ее владельца объединяли его с другими жителями, интегрируя в одну общую с ними организацию. Но владение крепостными и вольноотпущенниками, а иногда и собственными участками, наличие известного иммунитета, а также вассальная зависимость от других сюзеренов, отделяли его от вотчины-общины, превращали его двор в такое самостоятельное образование, которое в определенных ситуациях сравнительно легко могло отделиться от нее.

Говоря о феодальном дворе, нельзя обойти вниманием вопрос о княжеских «дворах» и отношении их к «кабакам». По мнению Т. Х. Кумыкова, кабак «возник и оформился как административно-хозяйственный центр феодального владения» (28, с.56). Е. Н. Кушева, не соглашаясь с ним, полагает, что «кабардинские кабаки-къуажэ возникли как поселения крестьянской общины», отмечая при этом, что «на кабардинской ландкарте 1744 г. наряду с «деревнями» в Большой и Малой Кабарде нанесены «дворы», стоявшие обособленно

(180, с.116). Именно эти дворы князей она склонна считать административно-хозяйственными центрами. Однако вряд ли правомерно столь резко противопоставлять «двор» и «кабак», так как при ближайшем расстоянии они оказываются двумя разновидностями къуажэ: княжеским селом (пщы къуажэ) и дворянским селом (уэркъ къуажэ). «Дворы» князей, как и дворянские кабаки, состояли из дворов проживающих там дворян, азатов и крепостных. В социально-экономическом и политическом плане они идентичны и представляли собой вотчины-деревни, или вотчины-общины, различаясь, главным образом, по социальному статусу своих владельцев. Следовательно, и «дворы», и «кабаки» являлись административно-хозяйственными центрами феодальных владений, хотя и разного уровня в силу неизбежных различий, накладываемых вассально-иерархической структурой феодального класса.

Можно по-разному называть мелкую вотчину: микроструктурой, микроэлементом, первичным элементом феодально-вотчинной системы, пределом ее делимости, за которым теряется ее основное качество. Но в любом случае она представляла собой такой элемент, который нельзя было разложить на элементы более низкого уровня без утраты кабардинским феодальным обществом своего основного системного качества. Выражаясь образно, мелкие вотчины являлись социальными «атомами» этого общества, а вотчина-община была «молекулой», или основной системообразующей клеткой, связывающей их в одно целое. Вотчина-община выступает и как центральная узловая единица социальных отношений, будучи местом, где они предельно «сгущаются» или «конденсируются». С одной стороны, она входит в уделы, которые также, в свою очередь, могут быть рассмотрены как вотчины князей, а с другой – сама состоит из мелких вотчин, на которых и заканчивается деление вотчиной системы на составные элементы. Таким образом, границы вотчинной системы в Кабарде начинаются от феодального двора и заканчиваются княжеским уделом.

Мелкая вотчина представляла собой микроструктуру, но не основную социальную единицу адыгского общества еще и по той причине, что она существовала не самостоятельно, а только в рамках вотчины-деревни. Когда мелкая вотчина отделялась от вотчины сюзерена и не присоединялась к другой, она быстро трансформировалась, сама становясь вотчиной-деревней. Причем обязательным условием этого отделения, происходившего обычно в экстремальных ситуациях, было наличие у мелкого вотчинника статуса дворянина. Юридически свободный крестьянин (вольноотпущенник) не имел права покидать своего господина и переселяться в другую вотчину, даже если он владел большим количеством крепостных, чем дворянин.

Крайнее развитие вотчинного структурного принципа у адыгских «аристократических» субэтнотосов и в особенности у кабардинцев привело к тому, что на него стали ориен-

тироваться также и крестьяне. По своей структуре дворохозяйство крестьянина, владевшего крепостными, являлось мелкой крестьянской вотчиной, которая при условии, если ему жаловалось дворянство, могла стать мелкой феодальной (или дворянской) вотчиной. У последней уже появлялась возможность (еще во многом абстрактная) перерасти в вотчину-деревню.

Для правильного понимания социальной сущности крестьянской вотчины необходимо учитывать специфику ее образования в период генезиса феодальных отношений и в условиях уже сложившегося феодального общества, как в Кабарде XVIII – первой половины XIX вв. В первом случае мелкими вотчинниками становились архаические свободные общинники, а во втором – вольноотпущенники (азаты) и оброчные крестьяне (оги).

Из-за крайней ограниченности и фрагментарности источников почти ничего не известно о крестьянских вотчинах до 60-х гг. XVIII в. Но отсутствие сведений о них не означает их отсутствия в реальной исторической деятельности.

Исходя из факта их широкого распространения в 60-е гг. XVIII в., вполне резонно предложить их существование в предшествующем столетии. Наличие же идентичных структур у западных «аристократических» субэтнотосов позволяет отнести время их образования до выделения кабардинского субэтнотоса из древнеадыгской общности, т.е. до XII–XIII вв.

Своеобразие структурной организации вотчины-деревни исключало возможность образования здесь органов крестьянского самоуправления. Разобщенность крестьянства не сводилась к обычной для феодализма раздробленности сословными перегородками. Они дополнялись непреодолимыми барьерами, создававшимися принадлежностью крестьян в пределах къуажэ разным хозяевам, а также наличием у крестьян собственных крепостных. Феодальное адыгское село делилось на отдельные сегменты, представленные усадьбами дворян. Внутри этих сегментов, образующих в пространственном плане квартал, располагались крестьянские дворы, которые, в свою очередь, состояли из дворов их крепостных. Крестьяне были больше интегрированы в рамках этих сегментов, чем с лицами равного социального положения в других кварталах селения. Ведущей тенденцией среди всех категорий крестьянства было стремление эксплуатировать себе подобных, а не объединяться с ними на сословно-корпоративной основе. Именно широкие размеры эксплуатации одних групп крестьян другими стали одним из главных препятствий для их объединения в сельскую общину и выработки собственных органов самоуправления. Такая разобщенность закреплялась многоступенчатой системой управления в къуажэ. Власть вотчинника над непосредственно принадлежавшими ему крестьянами отличалась от власти над всеми крестьянами села. Еще больше она отличалась от отношений господ-

ства и подчинения, устанавливавшихся между подвластными дворянами и зависимыми от них крестьянами, между последними и их собственными крепостными. Часть полномочий вотчинной власти передавалась определенным звеньям в соответствии с иерархической структурой вотчины-деревни и наличием в ней феодальных усадеб и дворов зажиточных крестьян. Именно они и представляли низовые органы вотчинной системы управления в къяужэ, которые не оставляли места для функционирования органов общинного самоуправления крестьян.

Крестьяне не только не имели органов самоуправления, но даже своих представителей в управленческом аппарате феодального села. Что же касается бейголей, то они не избирались крестьянами, а назначались аульными владельцами на должность полицейских и судебных исполнителей. То есть они входили в вотчинную администрацию, а не в органы крестьянского самоуправления.

Таким образом, совокупность крестьян в вотчине-деревне была лишена такого главного атрибута целостной социальной системы, как самоуправление. Вотчинная структура включала управляемую подсистему, состоящую из крестьян, и управляющую подсистему, представленную вотчинной властью и персонифицированную в лице къяужэпщ'а. Относительно крестьян в лучшем случае можно говорить о зачаточных элементах самоуправления, причем главным образом во временных трудовых объединениях. Но и в этой сфере, как уже отмечалось, их деятельность регулировалась управленческим звеном сезонной субвотчины. Неструктурированность, аморфность крестьянско-общинных начал в системе управления феодальным селом являлись обратной стороной жесткой структурированности вотчинной власти.

То обстоятельство, что между низшей и наиболее многочисленной категорией крестьян (лагунаутами) и высшим звеном управления вотчины-деревни находился ряд ступеней, придавало власти къяужэпщ'а над ними опосредованный характер. При конфликтах крепостных со своими хозяевами он воспринимался как лицо, обязанное защищать интересы обиженных. Они не только не противопоставляли себя вотчинной власти, но, видели в ней гарантию от произвола мелких помещиков внутри феодального села. Сам механизм регулирования социальных конфликтов, требовавший обязательного вмешательства «сверху», предполагает слабость «горизонтальных» внутриклассовых связей у крестьян в къяужэ, их неспособность, бессилие самостоятельно решать эти вопросы. В целом данная структура вотчины демонстрировала отсутствие социальной базы для возникновения крестьянской общины и соответствующих ей форм самоуправления. В силу этой причины в источниках того времени практически нет упоминания о сельских собраниях крестьян, также как и свидетельств того, что они выступали коллективным юридическим лицом пе-

ред вотчинником и по отношению к внешнему миру.

Раздробленность адыгского крестьянства особенно ярко проявилась в антифеодальных выступлениях, в которых принимали участие лишь некоторые категории зависимых сословий. В документах XVIII в., описывающих подобные конфликты, фигурируют преимущественно «чагары», которые противопоставляли себя лагунаутам. Признавая за собой право социального протеста, оброчные крестьяне отрицали его за «природными» крепостными, значительную часть которых они сами эксплуатировали. Во время восстания 1767 г. кабардинские чагары отстаивали право самим распоряжаться своими крепостными без вмешательства со стороны собственных владельцев. Вместе с тем восставшие чагары считали своим неотъемлемым правом то, что они отрицали за «природными» крепостными, которых они хотели лишить права прибегать к покровительству князей и дворян. Иначе говоря, копируя модель взаимоотношений феодалов со своими крепостными, оброчные крестьяне как обладатели крепостных хотели сделать для себя такое исключение, которое поставило бы их владельческие права выше, чем у дворян.

Сословно-классовый характер адыгской вотчины предполагал не только противоречия, но и взаимный компромисс между сословиями, входящими в ее состав. Межсословный антагонизм ограничивался уже самим фактором сосуществования вотчинника, его вассалов и принадлежащих им крестьян в рамках одной локальной общности. При постоянных конфликтах нужда в ней попросту отпала бы. В этом смысле вотчина являлась тем единством противоположностей, которое нарушалось лишь тогда, когда, например, феодалы выходили за рамки общепринятых норм взаимоотношений с крестьянами и пытались утвердить свои интересы в неприкрыто одностороннем порядке. В таком сочетании антагонистических интересов кроется источник как самодвижения, так и одна из причин инертности вотчины-деревни. В частности, те возможности, которые она предоставляла для повседневного сопротивления феодальной эксплуатации, всегда ориентировали крестьян на сохранение ее статус-кво. Ее устойчивости способствовала и двойная роль обычного права, которое, санкционируя феодальные повинности, вместе с тем ставило им определенные пределы. Борьба против нарушения его норм оборачивалась укреплением традиционных основ вотчинной организации. Показательно, что характерный для всякого феодального общества фетишизм личностных отношений обретал в рамках данного социального института особую окраску, придавая господству феодалов в ней двойственный смысл: с одной стороны, в этой организации эксплуатация крестьян осуществлялась в наиболее непосредственной и неприкрытой форме, а с другой – именно в ней же создавалась основа для фетишизации этого процесса, когда, напр., уплачиваемая непосредственным производителям рента рассматривалась как справедливая компенсация за отправле-

ние пши-урками функций управления и военной защиты. Сама форма ее организации создавала у крестьян иллюзию возможности гармонического сочетания их производственных обязанностей с военно-управленческими функциями, составляющими прерогативу пши-урков. Именно кажущейся близостью этого идеала в относительно спокойные периоды общественной жизни отчасти объяснялось то обстоятельство, что во время классовых столкновений со стороны крестьянства не выдвигались радикальные требования по переустройству общества. В ходе восстания в Кабарде в 1767 г. крестьяне выступали не против эксплуатации вообще, а против участвовавших к этому времени превышений ее меры. Естественно, что в подобных ситуациях их борьба за фиксированную и восстановление нарушенных норм обычного права могла только способствовать консервации вотчинно-общины. Но в ее сохранении не в меньшей степени были заинтересованы и феодалы, поскольку она служила эффективным средством эксплуатации зависимых сословий.

Крайнее развитие вотчинного структурного принципа, его господство на всех уровнях общественной жизни адыгов наиболее ярко и наглядно проявлялось в феодальной раздробленности, существовавшей в течение многих столетий, но так и не завершившейся образованием централизованного государства. Любая объединительная тенденция изначально оказывалась обреченной, поскольку она, восстанавливая статус-кво, т.е. нарушенное равновесие между княжескими вотчинами-уделами, укрепляла те отношения, которые затем снова порождала междоусобицы. В самой вотчине наряду с частноправовыми функциями содержались публично-правовые функции суда, администрации и военного управления. Княжеские фамильные и частные вотчины-уделы, фамильные и частные вотчины первостепенных урков, вотчины-деревни незнатных дворян и феодальные дворы – все они по-своему являлись самодовлеющими политическими образованиями с элементами публичной власти, хотя и в разной степени, учитывая место вотчинников в феодальной иерархии. Сочетание этих элементов с частной властью оказывалось настолько самодостаточным, что даже в периоды наибольшего усиления объединительных процессов не наблюдалось отчуждения от вотчины хотя бы незначительной части публичноправовых функций. Это обстоятельство препятствовало развитию противоположных ей форм централизованной политической власти.

Вотчинный структурный принцип, не ограничиваясь социально-экономической и политической системами, пронизывал все стороны общественного сознания адыгов и создавал соответствующие предпосылки для расцвета у них того «духа личной независимости и свободы», о котором так много писали авторы рассматриваемого времени (152, с. 526; 142, с. 126). Что же касается конкретно самой вотчины-общины, то ее роль в закреплении этой идеологии весьма значительна уже в силу того обстоятельства, что она не была «ло-

кализованным микрокосмом, воздвигавшим над собой деспотические режимы», т.е. сельской общиной. Входя в вотчины более высокого порядка, она сама состояла из мелких вотчин, целостность которых гарантировалась всей феодальной иерархией. В Черкесии, разбитой на десятки тысяч таких мельчайших вотчин, человек любого социального ранга свою свободу и неприкосновенность (при всей их относительности в условиях феодализма) прежде всего связывал с положением вотчинника. Дюбуа де Монпере отмечал, что «каждый князь, каждый дворянин, даже каждый отпущенник – сам себе хозяин и подчиняется только самому себе. Тысячи интересов раскололи этот народ на множество независимых племен и родов, ревниво относящихся друг к другу, ревниво оберегающих свободу» (4,с.438). Отсюда берет начало ярко выраженный (по средневековым меркам) «индивидуализм» как одна из важнейших особенностей этнической культуры адыгов.

Оценивая общественную роль вотчинной системы в истории Черкесии, когда решался вопрос о ее независимости, необходимо признать, что она являлась одним из главных препятствий в процессах интеграции феодальных владений, перестав соответствовать потребностям дальнейшего развития адыгского общества.

В XVI – XVIII вв. во всех княжеских владениях Черкесии (или у «аристократических» субэтнотетосов) вотчинная система была настолько сходной, что есть все основания говорить о ее полной идентичности, доходящей до тождества. Некоторые особенности вотчинной организации у шапсугов, натухайцев и абадзехов (известных в первой половине как «демократические» черкесы) определялись прежде всего природно-географическими факторами, которые обусловили специфику локализации вотчины-деревни и мелких вотчин, расположение их сплошной цепью по ущельям и речным долинам; сравнительно небольшие размеры селений (в среднем 5-10 дворов, что примерно в 10 раз меньше, чем количество дворов в къуажэ на предгорных равнинах); размытость границ между ними и т.д. В горных селениях отсутствовали земельные переделы, обрабатываемые участки передавались по наследству и примыкали к усадьбам мелких вотчинников. Следует учитывать и отсутствие у них князей, что неизбежно накладывало свой отпечаток на характер взаимоотношений между вотчинами, оказывая, в частности, влияние на способы их интеграции. Но при всем этом вотчинная организация по своей социально-экономической и политической структуре была однотипной у двух групп адыгов.

2. 2. Политическое устройство княжеских владений Черкесии

Несмотря на сохранявшуюся в XVI-XVIII вв. феодальную раздробленность, политическое устройство адыгских субэтнотетосов, управлявшихся князьями, характеризовалось взаимодействием трех центральных органов власти: верховного князя (**пщышхуэ**, **пщы-**

тхьэмадэ), сословно-представительного собрания (хасы) и высшей судебной инстанции (хей).

Пщышхуэ возглавлял исполнительную власть, председательствовал на хасе и в верховном суде, осуществлял надзор за выполнением их решений, организуя меры для пресечения их нарушений, взимал централизованные пошлины и налоги, являлся главным арбитром при урегулировании социальных конфликтов. Особая роль отводилась его полномочиям верховного главнокомандующего объединенными вооруженными силами (дзэпц), от успешности выполнения которых в наибольшей степени зависел авторитет пщышхуэ.

Верховного князя выбирали на общей хасе, руководствуясь своеобразным порядком очередности между княжескими родами. Правом избирать и быть избранным обладали только князья. Однако дворяне, несмотря на право совещательного голоса, оказывали определенное влияние на исход выборов. На первом этапе избрания определялась фамильная линия, имевшая наибольшие основания занять высший политический пост. Затем ее представители выдвигали из своей среды претендента, кандидатура которого обсуждалась и утверждалась собранием.

Верховный князь наделялся своими полномочиями пожизненно. Преемниками после его смерти становились братья согласно возрастному старшинству. При отсутствии наследников в рамках одного рода общая хаса проводила очередные двухступенчатые выборы, где рассматривались претенденты из других линий княжеского дома Иналовичей. Практически каждое новое избрание сопровождалось ожесточенными и кровопролитными столкновениями князей. Последние часто прибегали к военно-политической поддержке русского царя или крымского хана, с XVI в. особенно активно стремившихся оказать влияние на выборы пщышхуэ.

Хаса не являлась постоянно действовавшим общественно-политическим органом: ее созывал верховный князь в разное время, преимущественно, для решения неотложных дел. Порядок ее проведения детально регламентировался нормами обычного права.

Хаса собиралась в отдалении от населенных пунктов на территории владений пщытхьэмадэ или его вассалов. Заседания продолжались в среднем 7–10 дней и происходили раздельно по «палатам»: княжеской и дворянской. Причем, если в первой были представлены все князья, то во второй – уорки – владельцы вотчин-деревень.

Процесс работы каждой «палаты» включал несколько самостоятельных процедур: оглашение вопросов, требующих рассмотрения; их обсуждение; принятие решений и принесение присяги, их подтверждающей. По всем важнейшим вопросам, касающимся внутренней и внешней политики страны, совет князей не принимал решений без согласования

с дворянской палатой. Взаимодействие палат хасы осуществлялось посредством «пересыльщиков» и «поверенных». Никто из участников заседания не обладал правом вето. Несогласие с общим решением ставило его вне закона.

Организационная модель и принципы функционирования общего сословно-представительного собрания Большой Кабарды действовали и в хасах отдельных княжеских уделов или их временных объединений.

К компетенции сословно-представительных собраний разного уровня относились самые различные вопросы: от малозначительных до таких, от которых зависели судьбы всей страны. Разница между ними определялась не столько характером обсуждаемых проблем, сколько степенью обязательности для кабардинского общества принимаемых решений. Удельная хаса, в числе прочего, обладала полномочиями решать важные внешнеполитические вопросы: отправлять посольства в Москву или Крым, санкционировать военные действия, заключать либо расторгать союзнические отношения. Однако ее постановления имели силу только в пределах данного удельного княжества, хотя нередко затрагивали интересы других княжеств, а следовательно, и страны в целом. В частности, на заседаниях хасы одной партии или временных объединений нескольких уделов заключались военно-политические соглашения между собой или с представителями соседних государств и этнополитических образований для использования объединенных сил в междоусобных войнах.

Помимо различных видов хасы, в политической практике XVIII в. имели место «малые советы» князей, владельцев (куда приглашались приближенные уорки с правом совещательного голоса, но не выделяемые в отдельную палату), а также собрания дворян, которые обладали значительно более узкой компетенцией и ограниченным влиянием на общественные процессы.

Институты судопроизводства были представлены «хеезжа» (хейшЦэ) – третейскими судами и «хей» – высшей судебной и апелляционной инстанцией, располагавшейся в ставке пшышхуэ. Состав последней избирался на общей хасе, разбирательства в ней происходили под председательством верховного князя. В Кабарде XVI–XVIII вв. имела место сравнительно высокая степень дифференциации законодательных и судебных органов. По решению хасы мог быть создан суд, компетентный разбирать спорные дела, касающиеся страны в целом. Однако само общее собрание князей и дворян не подменяло деятельности судов. Сословно-представительное собрание являлось высшим законодательным органом и уже в силу этого могло контролировать деятельность судов любой инстанции, утверждая или отвергая их решения. Поэтому его судебные функции (в самом широком смысле слова) реализовывались при формировании состава верховного суда, в процессе нормо-

творчества, назначения штрафов и прочих санкций в отношении нарушителей феодального правопорядка.

Выборность верховного князя подчеркивала, что он является лишь первым среди равных и обуславливала его зависимость от верхней палаты хасы. Данное обстоятельство, в принципе, допускало возможность низложения, которая не использовалась в политической практике до тех пор, пока взаимодействие верховного князя и хасы обеспечивало устойчивое функционирование политической системы.

В адыгском фольклоре имеются косвенные данные о том, что легендарный Инал, считавшийся родоначальником кабардинских и бесленеевских князей, был избран верховным князем именно на хасе (Архив КБИГИ, папка №186, с.9-10).

В русских источниках XVI-XVII вв. верховный князь Кабарды обозначался как «большой», «начальный князь» или как «князь кабардинский». Сами же кабардинцы называли его «пщышхуэ», «пщы-тхьэмадэ», а позднее заимствованным словом «уэлий». Звание «пщы-тхьэмадэ» дополняло титул «пщышхуэ», подчёркивая старшинство и функции председателя хасы. Буквально оно означает «старший князь», а «пщышхуэ» – «большой князь», или «великий князь». По сведениям К.Ф. Сталя, «государя императора черкесы называют Пши-Шхуэ, Князь Великий» (293, с.144). Но точно так же в XV-XVI вв. кабардинцы (и вообще все адыги) называли московских великих князей. Очевидно, что это название впоследствии было перенесено на российских императоров, сохраняясь на первых порах параллельно с названием «паштыхь» (падишах).

Первые достоверные сведения о «больших» или «начальных» кабардинских князьях мы встречаем в летописных известиях середины XVI в., документах о кабардино-русских отношениях того времени, а также в родословных росписях. В частности, в последнем виде источников специально оговариваются случаи, когда «большое княжение» жаловалось в Москве, а в Кабарде это решение утверждалось или отвергалось. Даже если бы мы не располагали никакими другими данными, уже сам факт неприятия или одобрения кабардинцами царских жалованных грамот предполагает наличие в Кабарде специального органа власти, компетентного решать эти вопросы, а также существование в ней определенного порядка выдвижения и утверждения кандидатур на большое княжение.

Архивные документы, относящиеся к концу XVI – началу XVII вв., уже ясно показывают, что верховного князя избирали на «совете всей кабардинской земли» с соблюдением «ряда», т.е. очередности между отдельными княжескими линиями, возводившими свой род к Иналу и составлявшими своеобразную братскую общность. Причём сама очередность была двухступенчатой. Сперва определялся «ряд» той или иной линии. Затем внутри неё выдвигался претендент на «большое княжение», который утверждался на об-

щем собрании князей и дворян Кабарды. После его смерти «большим» или «начальным» князем мог стать следующий за ним брат и так до тех пор, пока все братья не реализовывали своё право на «большое княжение». Другими словами, престол верховного князя представители одной линии могли занимать несколько раз. Так, все братья Темрюка Идарова (тестя Ивана Грозного) поочередно были «князьями кабардинскими». (136, с.385)

«Верховное управление оставалось наследственно в роде Кеса (предка Инала – Ред.), - писал П.С. Потёмкин (137, с.360). Но оно наследовалось не по прямой линии (от отца к сыну), а по боковой, горизонтальной (от «брата» к «брату»).

Интереснейшее сведение о порядке наследования власти и собственности в княжеских уделах Кабарды даны в «Описании кабардинского народа», составленном в мае 1748 г. Они репрезентативны и для XVI-XVII вв. в силу чрезвычайной консервативности описанных в нем явлений.

«Кабардинский народ напредь сего был под единым владельцем называемым Иналом и жительство свое имел на Баксане и по другим ближним к Баксану речкам. У оногo владельца Инала было пять сынов, которые по смерти отца их кабардинской народ разделили себе на пять частей. А по них от времени до времени у кабардинских владельцев вошло во обычай так, что после каждого владельца всеми подданными владеет один старший по нему брат, а ежели братьев нет, то большей его сын, а протчие умершего отца дети должны жить при том их большем брате и содержание своё получать от него, и для того быть у него в послушании. И которые ис таковых были в согласии, то большой их брат общими с ними силами старался других бессильных и малофамильных владельцев искоренить или ис Кабарды выгнать и подданных их разделить и отдать во владение меньшим своим братьям, дабы они собственное свое содержание уже от них иметь могли. А которые ис таковых с большим братом согласия не имели, то или старшей по оном большого брата умертвить или из меньших, которой поповорнея, всех своих братьев изведет и сам один всеми отцовскими подданными завладеет» (137, с.152-153). (Далее перечисляются князья, изгнанные в XVII в. из Кабарды и перешедшие на русскую службу).

Рассматривая специфику власти «большого князя» в Кабарде и формы разделения её территории на уделы между представителями одного княжеского дома, нельзя не заметить некоторую аналогию с Русью XI-XII вв. и Франкским королевством, где до второй половины IX в. существовал *сogrus fratrum*, предусматривавший «непременное соучастие всех братьев в управлении королевством по смерти отца, что выражалось в территориальных разделах между ними, создании королевств – уделов (*Teilreiche*) при сохранении государственного единства как потенции и идеальной нормы». (222, с.150)

При изолированном изучении генеалогии одного княжеского рода или линии может

показаться, что власть пщышхуэ передавалась от отца к сыну. Так, в родословной кабардинских князей и мурз содержится следующее указание: «У первого Табулиуна сына у Инармаса-мурзы один сын Идар, *князь кабардинский*, а у Идара князя пять сынов. Сын Темрюк, князь кабардинской...» (курсив наш – Ред.) (136, с.384). Если обратить внимание на боковые ветви, то нетрудно заметить, что «большим князем» был двоюродный брат Идара, Беслан Джанхотов, а затем сын последнего, Кайтуко. На первый взгляд, создаётся впечатление, что Беслан Джанхотов передал по наследству «большое княжение» своему сыну. Однако, если сопоставить по времени эти два поколения «больших князей», учитывая наследование верховной власти по боковой линии, а также порядок очередности между представителями разных княжеских линий, то, по всей видимости, Беслан Джанхотов был «большим князем» до Идара, за Идаром – Кайтуко, за последним – Темрюко. То обстоятельство, что в первой половине XVI в. «князьями кабардинскими» становились по одному представителю от каждой линии, отчасти объясняется тем, что Идар был единственным сыном Инармаса, а Кайтуко – единственным сыном Беслана.

С увеличением числа «братьев-князей», имевших формально одинаковые права на власть пщышхуэ, порядок очередности уже не мог сам по себе обеспечить её получение. Возникла проблема выбора между равными претендентами, «ряд» которых уже «пришёл». Регулирование «ряда», как и самого акта избрания верховного князя, становится одной из важных функций хасы. Необходимость этого аспекта её деятельности диктовалось ещё и тем, что между претендентами возникали жестокие междоусобицы, осложнявшиеся вмешательством соседних государств, прежде всего России и Крыма, старавшихся повлиять на исход выборов.

После смерти Камбулата Идаровича в 1589 г. власть пщышхуэ должна была перейти к другой княжеской линии, потомкам Беслана Джанхотова, а именно сыновьям Кайтуки Бесланова: Асланбеку (поскольку его старшего брата, Пшеапшоки, к этому времени уже не было в живых), Тапшинуке, Кайтуке и Янсоху.

3 июля 1589 года в отписке терского воеводы А.И. Хворостинина в Посольский приказ о смерти Камбулата Идаровича указывалось: «... у них Камбулата-князя не стало и у них де, государь, *промеж ими смута была великая врось княжья*, а на княженье де, государь, ещо не посадили никово. А сказывают, что нынешний год владети у них Канбулатовым детем; а как год минет Канбулату, ино де, государь, быти у них на княженье Осланбеку-князью. А ведетца де, государь, у них так, что *на княженье сажают рядом* (т.е. по очереди – Ред.), а ныне де ряд Осланбеков пришел» (136, с.56) (курсив наш – Ред.). В этом же документе отмечалось, что «буде не похочет быти Осланбек-князь под твоею государевою рукою, ино б ево и на княженье не сажати до твоего государева указу» (136, с.57).

Асланбек Кайтукин умирает в этом же 1589 году и на большое княжение начинает претендовать его младший брат Янсох, о котором в родословной сказано, что «княжество дано ему на Москве... а в Кабарде княжества ему не давали» (136, с.385). Но, как показывают источники, княжество ему все же было дано в Кабарде.

«Великая врось княжья» свидетельствует о чрезвычайно высоком престиже титула верховного князя в Кабарде и за её пределами. Смута, последовавшая за смертью Камбулата Идаровича, говорит также о том, что на «большое княжение» сажали не автоматически, как только подходит «ряд», а с согласия большинства других удельных князей. Для его достижения и созывался «совет всей кабардинской земли».

Первое упоминание о «советах» относится к сент. 1589 г. В одном из документов того времени указывается, что Янсох, «похотя государю служить и под государевою рукою быти с ними, с Асланбековыми детьми, и с своими детьми с племянники и *со всем своим родом и со всею землею, совет учинили* в Кабарде, съехався с кабардински князи, с Мамстрюком и Очеканом и с Куденекон, и с Хотовым и *со всеми мурзами и уздени и со всею землею*, что нам всем в государеве жалованье под государевою рукою быти и служить государю и на государевых недругов и на непослушников, на кого велит государь, с своими людьми ходити...» (курсив наш – Ред.). (39, с.135)

В отличие от Е.Н. Кушевой, считавшей выражение «всею землею» свидетельством участия крестьян в «народных собраниях» (180, с.120), мы полагаем, что оно означает «всю Кабарду». В этом плане приведенный документ является, с одной стороны, свидетельством проведения общекабардинского сословно-представительного двухпалатного собрания, а с другой – в нем делается отличие от других разновидностей «советов» в уделах, их союзах и т.д. Роль дворян в подобных собраниях, по всей видимости, была значительной. Во всяком случае наиболее знатные из них (такие, как Хотов, который принадлежал к фамилии Анзоровых) влияли на их исход. В указанной выше отписке терского воеводы А.И. Хворостинина в Посольский приказ от 3 июля 1589г. указывалось: «А тот, государь, Хотов в Кабарде именитой человек; все кабардинские князи и мурзы и уздени слушают ево во всем и на княжонье на большое у них без нево посадить никово нельзя». (136, с.57)

Если процедура принятия решения по вопросу о выборе «большого» князя существенно не отличалась от правил обсуждения других важных политических дел на общем собрании, то надо полагать, что его кандидатура выдвигалась сперва на княжеском совете, а затем предложение «верхней палаты» передавалось на рассмотрение палаты дворян.

Активное участие представителей дворян в избрании пщышхуэ на хасе подтверждается также и другими документами.

В середине окт. 1589г. в отписке терского воеводы А.И. Хворостинина в Посольский приказ отмечалось: «И октября, государь, в 14 день приехали к нам в Сунши с казацкою головою с Васильем с Онучиным кабардинские черкасы Осланбеков брат Янсох-князь да Хотов да Асланбеков же сын Янхот-мурза, да Мамстрюк да брат его Бетемрюк, да Елбузлук-мурза; а с ними уздени...(часть текста утрачена - Ред.). А сказали приехав Хотов, что приехали оне укреплятися по прежнему договору и о том бити челом тебе, государю, что *оне избрали на большое княжение* Осланбекову брату Янсоха. И государь де нас как пожалует» (курсив наш – Ред.) (136, с.63). Как видно из этого документа, Идаровы принимали участие в шертавании, а следовательно, и в избрании Янсоха «большим князем». Но зато отсутствовал Шолох Тапсаруков («Тоилостанов род»). Его черед пришел, вероятно, после смерти Янсоха. В конце XVI – начале XVII вв. Шолох Тапсаруков известен как «князь кабардинский». В родословных росписях указано: «Шолох, князь кабардинской, а государева жалованья кнеженства не дано было ему». (136, с.384)

Решение общего собрания часто находилось в зависимости от реальной силы претендента на «большое княжение», ибо, кроме основной кандидатуры, в Кабарде, как правило, находились удельные князья, которые на таких же законных основаниях могли претендовать на власть пщышхуэ. Напр., у Шолоха Тапсарукова в 1589 г. было не меньше оснований на большое княжение, чем у Асланбека Кайтукина, если исходить из порядка очерёдности, по данным родословных росписей. Но Кайтукины, объединившись с Идаровыми, оказались сильнее. Однако какие бы силы ни стояли за тем или иным претендентом и какими бы основательными ни были его права на «большое княжение», в любом случае его кандидатура утверждалась или отвергалась на общем собрании князей и дворян.

У Шолоха не было родных и двоюродных братьев, которые могли бы после его смерти претендовать на большое княжение. Поэтому в 1616 году снова пришёл черёд Идаровых: Куденета Камбулатовича пожаловали «княжеством кабардинским и в Кабарде ему княжество дано было» (136, с.385). Другими словами, его избрали на «совете всей кабардинской земли». Таким образом, представители трёх родов (Идаровы, Кайтукины, Таусултановы) поочерёдно правили Кабардой в XVI – начале XVII в. Этим трём родам соответствовали 3 удела; четвёртым - правили «Клехстановы». То обстоятельство, что князья «Клехстановы» не участвовали в выборах верховного князя и ни разу не избирались на эту должность, может служить одним из доказательств раннего отделения Малой Кабарды от Большой.

В 1624 г. после смерти Куденета на большое княжение стал претендовать его брат Пшимахо. Однако, несмотря на жалованную грамоту царя, княжество в Кабарде ему не было дано. Через семь лет, в 1631г., отказано было и его двоюродному племяннику Нар-

чову-мурзе, несмотря опять-таки на жалованную грамоту царя. По всей видимости, в своей челобитной царю он говорил правду, утверждая, что «старее его в родне нашей и во всей Кабарде нет», хотя в остальном его справка о членах рода Идаровых, бывших «большими» князьями Кабарды, не точна. Но суть дела даже не в этом. Как уже отмечалось, недостаточно было быть «старшим в своем роде и во всей Кабарде нет» (136, с.135). Для этого должна была подойти очередь той линии, к которой принадлежал претендент. При избрании Куденета Камбулатовича в 1616 г. большим князем на «совете всей кабардинской земли», очевидно, учитывалось, что снова пришёл «ряд» Идаровых. Следовательно, и претензии Нарчова-мурзы, являвшегося самым старшим в этом роде, не были вовсе лишены оснований. Тем более, что до этого в Кабарде существовал обычай, по которому после смерти «большого» князя на его место сажали следующего по старшинству брата (родного, двоюродного, троюродного и т.д.). Здесь была важна не столько степень родства, сколько принадлежность к одной линии.

Однако в 20-30-х гг. XVII в. этот обычай уже не действовал. Нарушился и принцип, по которому старшие представители указанных выше трёх линий (Идаровых, Кайтукиных и Таусултановых) поочередно занимали престол верховного князя. Связано это прежде всего с возвышением потомков Пшеапшоки Кайтукина и захватом ими власти в Большой Кабарде. Они, по существу, узурпировали право избрания «больших князей», которое стало действовать только внутри линии Пшеапшоковых (а не в рамках всего рода Иналовичей, как это было прежде).

Таусултановы окончательно вытесняются в Малую Кабарду (ближе к роду «Клехстановых») и тем самым исключаются из активной роли в политической жизни Большой Кабарды. Идаровы тоже вытесняются на периферию Кабарды и за её пределы. Многие из них выезжают на службу в Россию и растворяются среди русской аристократии.

После смерти Алегуки Шеганукина (внука Пшеапшоки) «большим князем» становится его двоюродный брат, Атажуко (внук Пшеапшоки от второго его сына Казыя). Начиная с Атажуки, «большое княжение» не выходит из Казыева рода вплоть до 1822 г. Во второй половине XVII в. верховными князьями Большой Кабарды были Джамбулат и Мисост Казыевы; с начала XVIII в. до 1752 г. – Кургоко Атажукин, Исламбек Мисостов, Арсланбек Кайтукин, Баток Бекмурзин. Затем круг снова возобновился: Бамат Кургокин (Атажукин род), Касай Атажукин (Мисостов род), Джанхот Татарханов (Бекмурзин род).

Установление безраздельного господства в Большой Кабарде потомков Казыя не могло не отразиться на хасе. Если рассматривать такую важнейшую её функцию, как избрание верховных князей, то установление единовластия одной княжеской линии (ставшей затем «родом») сделало излишним сам выбор, поскольку ими автоматически, без вся-

кой «смуты» и противодействия со стороны других линий, становились поочерёдно, по старшинству, родные братья: Атажуко, Мисост и Джамбулат, владевшие своими уделами. Иными словами, отпала необходимость активного вмешательства хасы в этот процесс. Вот почему источники, относящиеся к 40-90-м гг. XVII в., ничего не сообщают о фактах избрания «больших князей» на сословно-представительных собраниях. Но отсутствие в них соответствующих сведений не доказывает, что это явление полностью изжило себя. Есть основания полагать, что и в этот период продолжали, хотя и формально, избирать на хасе «больших князей». Это диктовалось необходимостью придания их власти законного характера, освящения её авторитетом древней традиции, не говоря уже о том, что такие события всегда и везде нуждались в обнародовании.

Некоторое снижение роли хасы в избрании пщышхуэ компенсировалось усилением её военно-оборонительных функций, что представляется вполне закономерным, если учесть напряжённые внешнеполитические условия в данный период. Поэтому не приходится говорить о полном упадке её значения в общественно-политической жизни Кабарды в 40-90-х гг. XVII в. и первое десятилетие XVIII в.

Гораздо труднее понять то время, когда после раскола Большой Кабарды в начале 20-х гг. XVIII в. на две враждующие партии происходило нарастание дезинтегрирующих тенденций без реального противовеса им со стороны центральных органов власти. Упадок всех сторон деятельности общекабардинской хасы (точнее будет сказать, «хасы Большой Кабарды», поскольку князья Малой Кабарды не входили в её состав, хотя и могли принимать участие в её работе в качестве посредников, третейских судей, свидетелей, наблюдателей, послов и просто гостей. Здесь и далее «общекабардинская хаса» понимается как хаса Большой Кабарды. – Ред.) сопровождался теперь также и упадком власти верховного князя. Напрашивается сравнение с Англией, в которой авторитет парламента упал именно во время «войны роз». (85, с.69-72)

В архивных документах XVIII века пщышхуэ называется «старшим владельцем». Они называются также «первыми», «главными» владельцами. Но чаще встречается название «старший владелец», которое больше всего соответствует кабардинскому «пщы-тхьэмадэ». Возможно, это связано с ограничением полномочий пщышхуэ функциями председателя общекабардинской хасы. Но поскольку она практически не созывалась, эта должность была не более чем почётным титулом. По имеющимся данным, с 1722 г. по 1763 г. было проведено лишь одно собрание представителей всех четырёх уделов Большой Кабарды, да и то под давлением России. Крайне напряжённый характер отношений между двумя партиями, представители которых собрались в 1753 г. не для объединения, а разделения страны, а также принадлежность пши-тхамеды к одной из враждующих сторон

исключали всякую возможность исполнения им обязанностей председателя такого собрания. Оно проходило в форме переговоров, которые велись при посредничестве русских офицеров. В силу этих обстоятельств пщы-тхьэмадэ обычно председательствовал в хасах одного, двух, иногда трёх княжеств (в случае временного союза с уделом, входящим в другую партию). Если он находился в изгнании, то ему приходилось довольствоваться «советом» узкого круга лиц, разделивших его участь. Примечательно, что «старшими», «главными» и «первыми» владельцами назывались и главы удельных княжеств и партий. С одной стороны, это косвенно свидетельствует об упадке в Большой Кабарде института верховного князя, а с другой – о вызревании тенденций, которые впоследствии приведут к избранию по одному «верховному князю» (валию) от каждой партии. В это же время в кабардинском языке утверждается термин “уэлий” (синонимичный названиям “пщышхуэ” и “пщы-тхьэмадэ”), который в русских источниках пишется как “вали”.

В рассматриваемый период право потомков Казыя на верховное управление Большой Кабардой реализовывалось весьма своеобразно: в дальнейшем дроблении верховной власти и собственности, разделении четырёх уделов на микроуделы и сельские вотчины. При этом сохранялся взгляд, согласно которому Большая Кабарда являлась общим достоянием рода Казыевых и что ею по очереди должны управлять старшие представители удельных княжеств. Князья продолжали считать себя «братьями», хотя между ними уже давно существовала кровная месть и заключались браки. При надлежащих условиях эти представления, вероятно, могли бы актуализироваться и способствовать временному возвышению сильного «старшего владельца», возрождению общекабардинской хасы и, в конечном счёте, достижению некоторого подобия политического единства страны. Но в 20-50-х гг. XVIII в. они «работали» только на рост феодальной раздробленности. Защитная же реакция общества на деструктивные силы проявилась не в усилении интеграционных процессов, а свелась к выработке механизмов, закрепляющих децентрализацию страны. Максимальным достижением в сфере регулирования взаимоотношений между княжескими уделами явилась политика сбалансированного равновесия, не допускавшая возвышения одних князей над другими. Иначе говоря, нормой стало признаваться не объединение отдельных частей общества и подчинение их центральным органам власти, а их разделение и равновесие. Примечательно, что первый этап соперничества между Баксанской и Кашкатауской партиями завершился в 1753 году тем, что Большая Кабарда юридически была разделена на две совершенно независимые друг от друга части. Река Чегем стала границей, которая соблюдалась не менее строго, чем границы с соседними государствами и народами.

При изучении данной проблемы большой интерес представляют выводы Е.Дж. Налоевой о степени политической консолидации Кабарды в первой половине XVIII в.

«Развитие феодальных отношений в стране, - пишет она, - достигло такого уровня, что процесс обособления и консолидации уделов завершён, а сами удельные князья превратились в типичных феодальных государей с определённой территорией, подвластным населением, судом, войском и управленческим аппаратом. *Кровавая же борьба между удельными князьями за власть в стране показывает тенденцию к объединению всех уделов под власть Олишша*» (курсив наш – Ред.). (226, с.78-79)

В типичных феодальных государей удельные князья превратились значительно раньше. Как уже отмечалось, ещё во второй половине XVI в. Кабарда была разделена на четыре удела соответственно четырём княжеским родам: Идаровым, Кайтукиным, Таусултановым и Гиляхстановым. Как и в последующие периоды, в это время между удельными князьями происходила ожесточённая борьба за власть в стране, носившая ещё более «кровавый характер». Более «кровавый характер» княжеских междоусобиц объясняется и тем, что власть пшышхуэ в это время значила больше, чем в последующие периоды. Этими же словами может быть охарактеризована общественно-политическая обстановка и в первой половине XVII в., но это вряд ли поможет понять её смысл. Для этого прежде всего необходимо выйти за рамки эволюционизма и перестать видеть во всяком объединительном движении тенденцию к образованию централизованного государства в Кабарде.

Феодальная раздробленность и междоусобицы настолько же органически присущи всем периодам истории Кабарды до начала XIX в., как и обратные тому объединительные тенденции, без которых установившаяся социальная система давно распалась бы. Вполне естественно, что в кабардинском обществе первой половины XVIII в., кроме центробежных, существовали и центростремительные силы, но констатация этого общего положения ничего не даёт нам для понимания конкретных исторических реалий; и оценка, данная Е.Дж. Налоевой этому периоду, может быть распространена на все периоды истории Кабарды до 1822 года.

Войны между удельными князьями стали обычным состоянием для Кабарды с того момента, когда она становится известной по письменным источникам. Что же касается отношения субъектов исторического процесса, т.е. самих князей к идее централизации, то вся их борьба между собой была направлена не на её осуществление, а на поддержание равновесия сил. При этом каждый из них старался превзойти другого в сохранении статуса-кво, соблюдая тем самым условия, порождающие внутренние войны.

Анализ соответствующих источников убеждает в том, что никакой тенденции к консолидации, характерной только для первой половины XVIII в., не было. Наоборот, этот

период характерен максимальным ослаблением власти пщышхуэ, падением роли общекабардинской хасы, обострением феодальных междоусобиц, образованием двух партий и т.д.

Одним из признаков ослабления власти пщышхуэ является нарушение принципа пожизненности его избрания. Нам неизвестны такие случаи в XVI-XVII вв. (возможно, из-за отсутствия источников). Но в первой половине XVIII в. сложилась такая обстановка, которая привела к резкому падению авторитета пщышхуэ и престижа избравшей его хасы. Разделение страны на две враждующие партии не означало стабильности внешне- и внутриполитических ориентаций входящих в них княжеских родов. Достаточно было примирения одного из них с двумя другими, относящимся к другой партии (и наоборот), чтобы изгнать из Кабарды главу четвёртого рода. Так, в 1724 г. Бекмурзины примкнули к Баксанской партии (Атажукиным и Мисостовым) и стало возможным изгнание Арсланбека Кайтукина, возглавлявшего Кашкатаускую партию, куда входили и Бекмурзины. Эта же схема сработала при изгнании самих Бекмурзиных. В июне 1737 г. князя Кайтукины, Атажукины и Мисостовы писали вице-канцлеру Остерману: «И благодарить (так в тексте) всевышшаго бога, что ныне брат наш Арслан-бек е.и.в. в верное подданство пришёл, и *все мы с согласия признаваем его за старшаго и главнейшаго бека*. А Бекмурзины дети, поссорясь с нами, в Крым ушли (курсив наш – Ред.)». (137, с.91)

Союз между тремя уделами и предоставление А. Кайтукину «старшинства над всеми владельцами» (137, с.154) были оформлены в законодательном порядке на общем собрании князей и дворян и, как полагается, скреплены присягой. Ничто, казалось бы, теперь не предвещало утраты им своего «старшинства». Но через два года хорошо отработанный механизм расправы с неудобной княжеской фамилией опять был приведён в действие, и он снова оказался в изгнании.

Однако А. Кайтукин не смирился с поражением. Стремясь вернуть «старшенство» в Кабарде, а заодно и свои владения на р. Баксан, он использовал для достижения этих целей все средства, в том числе и посредничество России в переговорах с Баксанской партией. Императрица Елизавета I специальным указом от 11 июня 1744 года послала в Кабарду для примирения враждующих партий царицынского коменданта Петра Кольцова. В рапорте от 27 августа 1744 г. он отмечал, что Арсланбек Кайтукин просил его о посредничестве по двум пунктам: «Первое, чтобы старшинство мимо его не отдано было баксанским владельцам; второе, позволено было ему вернуть владения на Баксане... Владельцы Баксанской партии о дозволении ему старшинства немного оказалось стали спорить, понеже он летами их старее, а по обычаям, кто летами старее, то старшинство и первенство имеет,

а прочего его желания не приемлют (курсив наш. – Ред.)). (АВПРИ, ф.115, Кабардинские дела 1744 г., оп.1, д.4, л.13об.)

Другими словами, баксанские владельцы согласны были формально признать его «старшим владельцем», фактически сводя это «старшинство» на нет, отказываясь возвратить ему земельные владения, захваченные у него во время междоусобиц. Последующие неоднократные обращения А. Кайтукина и Б. Бекмурзина к Елизавете I (137, с.126-127, 134-135) не дали желаемого результата. Позиция князей Баксанской партии по этому вопросу оставалась неизменной.

В 1747 г. пщышхуэ Большой Кабарды Баток Бекмурзин, Джамбулат Кайтукин и Бамат Кургокин заключили союз против Мисостовых и изгнали Касая Атажукина. Но через два года та же участь постигла и пщышхуэ.

Важнейшим условием политической стабильности в Кабарде являлась коллегиальность решений по всем вопросам, затрагивающим интересы всей страны в целом. Единовременное решение удельных князей в обход хасы и пщышхуэ могло привести к расколу коалиции княжеских родов и междоусобицам.

В февр. 1748 г. русское правительство получило известие, что «Магомет Коргокин и Джамбулат Койтукин *без совету* Батока Бекмурзина и протчих владельцев писали к хану крымскому». «О чем Баток с протчими владельцами, уведав, *съезжались* с Магомедом Коргокиным и Джамбулатом Койтукиным у урочища Кизильбуруна, и через пять дней, имея злобную переговорку, разъехались в дома свои. И за ту письменную пересылку и за прежние ссоры владелец Хаммурза Росламбеков хочет дядю своего Джамбулата Кайтукина убить» (курсив наш. – Ред.). (137, с.158)

Баток Бекмурзин оказался под угрозой изоляции, благодаря союзу Магомета Кургокина и Джамбулата Кайтукина, которые могли изгнать его из Кабарды, разрешив вернуться Касаю Атажукину. Опасаясь такой перспективы и не достигнув на общем собрании своих целей, пщышхуэ решил упредить этот удар, объявив через кизлярского дворянина Андрея Брагунского, что «...нынешним летом возьмут они (Бекмурзины – Ред.) его, Касая, *с партиєю* к себе в Кабарду (курсив наш. – Ред.)» (137, с.158). Но в 1749 г. Атажукины и Кайтукины, примирившись с Касаем, все же добились изгнания Батока Бекмурзина (137, с.166). Через год он возвращается и, объединившись с Кайтукиными при нейтралитете Касая Атажукина, приступает к разорению владений Бамата (Магомед) Кургокина. Титул пщышхуэ сохранился за Батоком Бекмурзиным лишь номинально.

В марте 1751 г. для примирения владельцев в Кабарду был послан полковник кизлярской иррегулярной команды Росламбек Шейдяков и премьер-майор И. Барковский. Переговоры оказались безрезультатными. Но в «Журнале бытности» их в Кабарде остав-

лены заметки, содержащие интересные сведения о ее внутреннем положении и взаимоотношениях князей.

14 апр. 1751 г. «Баток-бек с великим сердцем говорил полковнику и майору, что в Кабарде нет старшего владельца, у которого были послушны молодые, что хотят, то и делают, и он ничего не знает и его не слушают и прежде миру не будет, пока не увидят страху» (курсив наш. – Ред.). (АВПРИ, ф.115, Кабардинские дела, 1751 г., оп.1, д.3, л.115)

17 апр. 1751 г. при «свидании» с офицерами Баток-бек молчал, а за него говорили Джамбулат Кайтукин и Навруз Исламов (Мисостов род): о том, что не прекратят разорять владения Бамата Кургокина, запрещать их подвластным пахать и т.д. При этом они поставили в известность о том, что на следующий день соберут узденей «для совета» и напишут письма, «а с тем бы он полковник и майор ехали обратно и в дела их не мешались» (АВПРИ, ф.115, Кабардинские дела, 1751 г., оп.1, д.3, л.122). Примечательно, что об этих делах, в частности, о намерении созвать общее собрание князей и дворян трёх уделов (Бекмурзиных, Кайтукиных и части Мисостовых) говорит не старший владелец, присутствовавший на переговорах, а более молодые владельцы. Во время поездки капитана И. Барковского в Кабарду в 1747 г. для расследования жалоб крымского хана на кабардинцев и переговоров (13, 15, 18 июня), происходивших у Батока Бекмурзина, «ответствовал» ему Бамат Кургокин (137, с.140-142). Тем самым фактически нарушалась одна из важнейших прерогатив старшего князя.

18 апр. полковник Р. Шейдяков и премьер-майор И. Барковский снова были у Баток-бека «и между прочим спрашивали его, для чего он вчерашний день был безответен, яко старший владелец, а отвечал Джамбулат и молодые владельцы». «Хорошо б говорить, коли б слышали», - отвечал Баток-бек. Из дальнейших его разъяснений следовало, что он неоднократно пытался прекратить ссоры, но его перестали слушать не только князья других фамилий, но и свои «братья». Поэтому он «принял намерение» больше ни во что не вмешиваться и «ехать в Мекку, куда через три месяца поедет» (АВПРИ, ф.115, Кабардинские дела, 1751 г., оп.1, д.3, л.122об.). 3 мая 1751 г. Хаммура Росланбеков и Кази Кайсинов сообщили полковнику и премьер-майору, что «Баток Бекмурзин призывал их и протчих владельцев сего дня к себе, которым объявил, что вскоре намерение имеет ехать к Мекке и для того с сего числа брады брить и в дела их мешаться не будет». (АВПРИ, ф.115, Кабардинские дела, 1751 г., оп.1, д.3, л.179об.)

Приведённые выше факты об изгнании старших князей, а также решение Батока Бекмурзина добровольно сложить с себя полномочия старшего князя показывают, что власть пщышхуэ (валия) в Кабарде к середине XVIII в. пала, как никогда в прошлом. Нельзя не заметить, однако, того обстоятельства, что падение авторитета и престижа вла-

сти пщышхуэ происходило в относительно благоприятной внешнеполитической обстановке, когда Кабарда по Белградскому мирному трактату 1739 г. была объявлена «барьерной» между Россией и Турцией. Юридически страна стала независимой, но, будучи представленной самой себе, она всю энергию, раньше требовавшуюся для защиты своей самостоятельности, обратила на внутренние распри.

Кабарда поневоле объединялась при возникновении угрозы её порабощения, и в этих условиях власть пщышхуэ, становившегося главнокомандующим, закономерно повышалась. Соответственно, поднималось и значение общекабардинской хасы, символизировавшей единство страны. Парадоксально, но сама стабилизация внешнеполитической обстановки в 30-50-х гг. XVIII в. во многом обусловила дестабилизацию внутри Кабарды. Усиление дезинтегрирующих тенденций приводит к тому, что власть пщышхуэ становится фикцией, а сословно-представительные собрания не только утрачивают свои объединительные функции, но и начинают выполнять противоположные задачи, выступая в качестве одного из факторов дальнейшей децентрализации. Таким образом, отсутствие внешних войн компенсировалось в феодально-раздробленной Кабарде обострением княжеских усобиц, что демонстрировало органическую неспособность кабардинских князей к созидательной деятельности по укреплению политического единства страны. Не имея внешних врагов, угрожавших их независимости, они находили внутренних и призывали на помощь силы, против которых раньше боролись сообща.

Номинальность и даже фиктивность власти пщышхуэ к середине XVIII в. подчёркивается и тем обстоятельством, что смерть Батока Бекмурзина и избрание на хасе нового старшего владельца, Бамата Кургокина, не были замечены современниками. Во всяком случае, эти факты не нашли отражения в опубликованных архивных источниках. Между тем во второй половине XVI- начале XVII вв. смерть «большого князя» составляла крупное политическое событие в жизни Кабарды, поскольку вслед за этим обычно возникала ожесточённая борьба за «большое княжение», на исход которой старались повлиять соседние государства.

Примечательно, что в XVIII в. Россия, продолжая вмешиваться во внутренние дела Кабарды, тем не менее перестала оказывать давление на исход выборов пщышхуэ, не придавая, очевидно, его власти прежнего значения. Она сочла для себя более выгодным политику стравливания образовавшихся здесь партий, а не их объединения под властью верховного князя.

В первой половине XVIII в., особенно в 30-50-е гг. борьба за власть старшего князя являлась скорее всего данью традиции и была полностью подчинена борьбе двух партий за преобладание в Кабарде. Одержавшая верх группировка князей могла изгнать

пщышхуэ, что являлось уже ничем не прикрытым разрывом со старой традицией.

Многие функции старшего владельца существовали только по инерции, не подкрепляясь реальной силой. Чисто формальным было его право созывать общее собрание князей и дворян Большой Кабарды при отсутствии элементарного согласия между удельными князьями. Созываемые изредка советы, естественно, были неполными, и их решения не имели обязательной силы для всей Большой Кабарды. Далее, относительно благоприятная внешнеполитическая обстановка не требовала от пщышхуэ того, чтобы он пользовался правом главнокомандующего (дзэпщ'а) и возглавлял все войска, имеющиеся в Большой Кабарде, поскольку в этот период никто серьезно не угрожал ее независимости. Победоносная война существенно повысила бы его власть, принесла к тому же немалый доход. И наоборот, бездействие полководческой функции во многом роняло его престиж.

Следует заметить, что в междоусобицах данного периода пщышхуэ действовал не как лицо, располагавшее высшей властью и уже в силу этого, казалось бы, обязанное проводить политику примирения, а как удельный князь, сводивший старые счеты со своим противником. Здесь он проявлял необыкновенное рвение, от имени хасы (обычно трех уделов) назначал штраф за уклонение от участия в военных действиях против того или иного опального князя, санкционировал разграбление его имущества и подвластных и т.д. Напр., Баток Бекмурзин 27 ноября 1748г. от имени общего собрания трёх уделов «приказал всем кабардинским князьям и узденям идти войной на Касая Атажукина, нашедшего убежище у Анзоровых. За невыполнение этого приказа был назначен значительный штраф. Разумеется, с таким старшим князем не церемонились князья-изгои, сумевшие вернуть себе прежнее положение (АВПРИ, ф.115, Кабардинские дела, 1751 г., оп.1, д.3. л.115) , В таких ситуациях понятия феодальной чести отходили на второй план по сравнению с чисто материальными стимулами. Хронические междоусобицы, проходившие по одной заданной схеме, привели к заметному обмельчанию нравов князей и дворян. В этом смысле прав был Баток Бекмурзин, жалуюсь 18 апреля 1751 года русским офицерам на то, что «ныне владельцев и узденей тех нет, которые прежде были» (АВПРИ, ф.115, Кабардинские дела, 1751 г., оп.1, д.3, л.129об.), хотя эти слова следовало бы отнести прежде всего к нему самому и вообще к положению верховного князя в это время.

Если раньше дворяне выступали как сила, сдерживающая княжеские междоусобицы, то теперь отсутствие согласия между ними усугубляло дальнейшую дезинтеграцию кабардинского общества. 23 апр. 1751 г. Канчока Тамбиев, Батыр и Батырби Куденетовы «с протчими родственниками» говорили полковнику Рослаббеку Шейдякову и премьер-майору Ивану Барковскому: «А ныне де как владельцы, так и уздени, один одново не слушают и никаково согласия между их всех нет. Не только друг друга слушать и моло-

дым старших почитать, но сын отца, брат брата не слушают и не почитают как во владельцах, так и в узденях». (АВПРИ, ф.115, Кабардинские дела, 1751 г., оп.1, д.3, л.129об.)

Подводя итог вышесказанному, следует отметить, что для истории Кабарды наиболее характерны те ситуации, когда повышение (или понижение) роли высшего законодательного и распорядительного органа сопровождалось также и усилением (или упадком) высшей исполнительной власти верховного князя (т.е. когда взаимосвязь между этими институтами носила более или менее однозначный характер). Их обоюдное усиление наблюдается, главным образом, при внешней угрозе, диктующей необходимость компромисса между противоборствующими княжествами и тем самым повышающей значение органов, исторически призванных регулировать их взаимоотношения и обеспечивать целостность и интеграцию общества. Так было, напр., во второй половине XVI – начале XVII в, а также в течение короткого времени после 1763 г. Одновременный же упадок этих институтов происходит в 20-50-х гг. XVIII в. Но как бы ни различались эти периоды, амплитуда колебаний общественного веса рассматриваемых институтов зависела от степени согласия равноправных княжеств, имевших право и возможность самостоятельного выбора решений.

Совершенно другая картина складывается, когда политическое единство Большой Кабарды и возвышение пщышхуэ достигались не путем соглашений и компромиссов, а посредством устранения соперников, что было весьма показательным для времени правления Казыя Пшиапшокова и его сыновей. Причем объем власти верховного князя, по существу, не зависел от согласия его младших братьев (или добровольно делегированных ими прав), которые должны были безусловно подчиняться воле своего старшего брата.

В этих условиях полномочия хасы в избрании «большого князя» стали номинальными, хотя её законотворческие и военно-оборонительные функции могли ещё сохранять некоторое значение. В целом же хаса превращается из законодательного и распорядительного в консультативный орган.

Таким образом, не во все периоды истории Кабарды укрепление власти пщышхуэ сопровождалось и повышением роли хасы. Но обратное является правилом. Точно так же централизация не всегда означала укрепление хасы, тогда как последнее можно рассматривать в качестве одного из важных симптомов централизации.

На первый взгляд, два способа взаимосвязи хасы и власти верховного князя могут представляться различными векторами общественно-политического развития феодальной Кабарды, а характер правления Казыя и его сыновей – альтернативой, следуя которой страна преодолела бы феодальную «анархию», неотвратимо влекущую её к гибели. Но по сути дела они являлись отрезками одной и той же линии политического развития Кабар-

ды. «Автократический» принцип правления был характерен только для первого поколения «рода» Казыевых. После его распада на соответствующие родственные группы, отношения между ними стали складываться по сценарию, известному задолго до прихода Казыя к власти. Мы имеем в виду феодальную раздробленность, княжеские междоусобицы, политику сбалансированного равновесия и т.д.

Следовательно, указанные отрезки нельзя рассматривать и как стадии, ведущие к образованию централизованного государства. Внешнее они скорее всего напоминают циклы, повторяющиеся в рамках нескольких десятилетий или даже целого столетия.

Но если отсчёт вести с середины XVI в. и проследить подъёмы и спады значения данных институтов до первой четверти XIX в., то обнаружится неуклонное их ослабление в связи с прогрессирующей дезинтеграцией кабардинского общества.

Не последнюю роль в этом процессе сыграл принцип наследования политической власти по боковой линии, сочетание которого с сословно-представительным собранием являлось одной из важных особенностей политической системы кабардинцев в XV-XVIII вв. Регулируя наследование власти «большого князя», утверждая в этом качестве одного из представителей княжеского дома Иналовичей, хаса выступала главным гарантом нерушимости традиционных форм организации власти.

Вотчина-община, исчерпавшая возможности своего дальнейшего развития, но не содержащая в себе элементов собственного отрицания, во многом определила стагнирующий и тупиковый характер социально-экономического развития кабардинцев в XVII-XVIII вв. К тому же социальному тупику, но на уровне политической и правовой надстройки приводило сочетание архаического принципа наследования высшей политической власти в стране с таким признаком развитого феодализма, как сословно-представительное собрание. Узаконенный раздел Кабарды между «братьями-князьями» закрепил в ней полицентрическую политическую систему. В господствующих же структурах власти и собственности не выработались альтернативные им элементы (даже в самой зачаточной форме), которые впоследствии, в другом историческом контексте, стали бы переходным этапом к образованию централизованного государства.

Принцип наследования по боковой линии настолько проник во все поры кабардинского общества, что он, не ограничиваясь высшими эшелонами власти, уделами и сельскими вотчинами, распространялся также и на земельные участки, усадьбы и многие виды движимого имущества. Его жизнеспособность поддерживалась всем традиционным укладом жизни. Если при этом учитывать комплекс религиозно-мифологических представлений, освящавших данный порядок вещей, то станет понятным, почему в истории Кабарды даже в периоды максимального возвышения верховных князей не было попыток в обход

братьев передать власть по прямой линии. Любая такая попытка заранее была обречена на провал, ибо она, идя вразрез с огромной толщей народных традиций и обычноправовых норм, неизбежно лишилась бы всякой легитимности.

Парадоксально, но история Кабарды, развиваясь как бы в обратном направлении, демонстрировала, что этот принцип наследования даже укреплялся, способствуя росту разрушительных внутренних конфликтов. Ориентированный по своей первоначальной природе на справедливый раздел власти и собственности между «братьями-князьями», он как никакой другой фактор, привёл к братоубийственным войнам, приблизившим катастрофу Кабарды.

Раскол Большой Кабарды на два враждебных лагеря, сопровождавшийся небывалым ослаблением общекабардинских политических институтов, сделал невозможной деятельность постоянной высшей судебной инстанции. Непрекращающееся противоборство удельных князей исключало вероятность беспристрастного и справедливого суда, где бы князь судил князя. В 1753 г. на совместной хасе Баксанской и Кашкатауской партий был избран присяжный суд из дворян, представлявших обе стороны. Согласившись на суд своих вассалов, но не на суд себе равных, князья продемонстрировали органическую неспособность объединяться для решения общих целей и насущных задач, вытекавших из потребностей развития и самосохранения общества, а также неприятие идей централизации Кабарды в форме сильной власти «большого князя», которая смогла бы существенно ограничить самостоятельность удельных князей. Кабардинские князья при их традиционном равенстве не стали бы признавать над собой ни сильной власти пщышхуэ, заметно ограничивающей их свободу, ни постоянного судебного органа, который мог бы в принудительном порядке обязывать их выполнять его решения. Этим объяснялось предпочтение князьями (и обществом в целом) присяжных судов, какие бы формы они ни принимали.

Наиболее распространенной формой присяжного судопроизводства в Кабарде XVIII в. являлся суд, когда каждая из спорящих сторон избирала по 2–3 человека. Дворянский суд 1753 г. включал по 20 человек от каждой партии и представлял собой расширенный вариант такого суда.

Своеобразное равенство кабардинских князей в делах управления Большой Кабарды и выборность пщышхуэ давало основание некоторым авторам считать ее по форме правления аристократической республикой. В частности, Г.Ю. Клапрот писал: «Если сделать попытку этому государственному строю дать название, его можно было назвать республиканско-аристократическим» (4, с.260). Однако это понятие отражает лишь одну сторону политической организации кабардинского феодального общества, характерную только для

властных отношений в рамках аристократической верхушки общества. Впрочем, яснее, чем С. Броневский, не скажешь по этому вопросу. «Шесть княжеских родов, - отмечал он, - управляют Большою и Малою Кабардою, всякий в своем уделе, как властные владельцы, и в народных собраниях, как члены федеративного общества» (55, с.175). Это высказывание важно для понимания особенностей политической системы Кабарды, поскольку в нем разграничиваются два аспекта политических отношений: внутри княжеских уделов и между ними.

Вряд ли здесь уместно спорить о термине «федерация» и доказывать предпочтительность термина «конфедерация», основываясь на том факте, что удельные княжества были суверенны не только во внутренних делах и во взаимоотношениях друг с другом, но и с соседними государствами (с Россией, Турцией, Крымом, Грузией и т.д.), будучи самостоятельными в вопросах внешней политики и обороны. Очевидно, что С. Броневский понятие федерации толковал расширительно, стремясь подчеркнуть специфику отношений между отдельными княжествами в рамках одной политической общности. Следует учитывать, что князь как «член федеративного общества» действовал среди равных себе по статусу лиц, руководствуясь во взаимоотношениях с другими князьями политикой сбалансированного равновесия, не допускавшего малейшего отклонения от сложившегося баланса сил. Другими словами, в своей среде они придерживались своеобразного равенства, что вызывало у внешнего наблюдателя аналогии с республиканским устройством. Это впечатление, естественно, усиливалось, когда рассматривалась роль хасы в регулировании их политических взаимоотношений.

Определение государственно-политического строя феодальной Кабарды как «аристократической республики», в основном, учитывало характер взаимоотношений между князьями. Но его сущность может быть выявлена только через отношение субъектов власти (в данном случае князей) к ее объектам (остальному подвластному населению). Все остальное, хотя и очень важно, но второстепенно по сравнению с этим решающим признаком.

Среди князей отношения могли быть сколько угодно «республиканскими» и даже «демократическими», но внутри княжества царило полное, насколько это возможно в условиях феодализма, подчинение всего населения власти удельного князя. Послушным орудием в его руках было и сословно-представительное собрание удельного княжества. По существу удельное княжество являлось микрогосударственным образованием с четко выраженным монархическим правлением. Поэтому С. Броневский, говоря о федеративных отношениях между князьями счел необходимым подчеркнуть, что они управляют в своих уделах как «властные владельцы». И даже в середине XIX в., когда князья утратили

прежнее могущество, их продолжали считать своеобразными монархами. В частности, К.Ф. Сталь рассматривал «князя как представителя монархического начала, его положение в обществе и права» (293, с.149).

Таким образом, если рассматривать политическую систему Кабарды в вертикальном плане, т.е. отношения между управляемыми и управляющими, подвластными и князьями, то перед нами монархия. Если же учитывать только горизонтальный план, принимая во внимание взаимоотношения между удельными князьями, то особенностям ее государственно-политического строя в наибольшей мере соответствуют понятия «аристократическая» или «княжеская» республика». Очевидно, что в данном случае термины «монархия» и «республика» не исключают, а взаимодополняют друг друга. Каждый из них по-своему отражает важные стороны политической организации кабардинского общества в XVI–XVIII вв. При этом термин «монархия» более относится к ее сущности, а термин «республика» – к ее форме, но с той существенной оговоркой, что эта форма ограничивалась рамками княжеского сословия, тогда как сущность охватывала все уровни общественно-политической структуры кабардинцев.

Одним из аргументов против признания пщышхуэ монархом может служить его избрание «на совете всей кабардинской земли».

Но, как известно, в течение многих столетий пши-тхъэмадэ выбирали из представителей только одного княжеского дома Иналовичей. До увеличения числа князей и возникновения общих сословно-представительных собраний не требовалось и процедуры избрания. Поскольку верховная власть в Кабарде не выходила из рода Иналовичей (а впоследствии из образовавшихся внутри него линий, ставших самостоятельными родами), то она фактически наследовалась по отношению ко всему остальному обществу. Однако уже внутри самого рода происходило избрание «по ряду» из числа старших представителей княжеских линий. Таким образом, пщышхуэ избирался и одновременно его власть наследовалась. И в этом нет никакого противоречия, учитывая различные уровни легитимации его власти. Что же касается того обстоятельства, что им становился старший представитель боковой линии, то наследование по прямой линии не является обязательным признаком монархической власти. Более того, сам принцип наследования не является таким признаком. В истории нередко встречаются и выборные монархии.

Относительно власти пщышхуэ можно сказать, что она была наследственно-выборной, как, напр., в Германской империи в XIII–XIV вв. Далекое не случайно, что К. Ф. Нейман отмечал ее сходство по формам правления с феодальной Черкесией. Эта аналогия не покажется слишком произвольной, если учесть, что и другие европейские авторы, изучавшие ее общественно-политический строй, находили много общего с европейским

средневековьем, отмечая не внешнее сходство, а глубокое сущностное родство между структурообразующими элементами сравниваемых систем. В частности, П.С.Паллас, С. Броневский, Дж.А. Лонгворт и др. писали о сходстве феодальной иерархии, учрежденной в Кабарде, с аналогичными порядками в Пруссии, Курляндии, Лифляндии и России во время удельных князей». Хаса же обнаруживает типологическое сходство с сословно-представительными собраниями (или феодальными парламентами) во многих странах средневековой Европы: с парламентом в Англии, Генеральными штатами во Франции, сеймами в Польше, Венгрии, Чехии, кортесами в Испании и т.д. Но если брать не отдельные элементы, а всю политическую систему в целом, имея ввиду взаимосвязь «республиканско-аристократического» правления в Кабарде со степенью ее политической децентрализации, ролью сословно-представительного собрания, принципом выборности верховного князя и т.д., то выявляется больше всего сходных черт с Польшей в XVI–XVIII вв.

Различия же в сравниваемых сферах политической организации заключались прежде всего в том, что в Польше элементы республиканского правления получили большее развитие, чем в Кабарде, но зато здесь монархическое начало выражено сильнее. В Кабарде немислим как принцип «свободной элекции» (свободных выборов нового монарха), так и *liberum veto*. Правом свободного вето на хасе не располагали даже князья, не говоря уже о дворянах.

Казалось бы, неоспоримая аналогия существует в том, что и для Кабарды, и для Польши характерна была политическая децентрализация, которая в конечном счете и привела к гибели этих государств. Но в Кабарде власть и собственность были разделены между удельными князьями, т.е. по существу суверенными монархами, отчего здесь соперничество между отдельными частями государства приняло несравненно более ожесточенный характер.

Наконец, сравнение политических режимов двух государств проясняет вопрос о целесообразности употребления слишком общего определения «аристократическая» применительно к термину «республика». Если Польша представляла собой *дворянскую* республику во главе с королем, которого избирали на сейме все депутаты-шляхтичи, обладавшие к тому же правом *liberum veto*, то в случае с Кабардой мы имеем дело с *княжеской* республикой во главе с верховным князем, избираемым княжеским «советом», или верхней «палатой» хасы. Следует говорить именно о «княжеской», а не об «аристократической» республике, поскольку в феодальную аристократию входили и тлехотлеши, и дженуго (и в принципе все дворяне, если противопоставлять их крестьянам), но они не были равны с князьями в политических правах. В избрании пшышхуэ дворянская «палата» хасы имела только право совещательного голоса. При этом необходимо еще раз подчеркнуть, что и

сам исходный термин «республика» обозначает лишь одну из сторон политической организации кабардинского общества в XVI – XVIII вв. Примерно так же официальное название Польши с XVI в. «Речью Посполитой» (т.е. «республикой») не отражает всех особенностей ее государственного устройства, а тем более не свидетельствует о том, что она перестала быть монархией.

Суммируя вышесказанное, можно в самом предварительном порядке сделать вывод, что в XVI – XVIII вв. Кабардинское государство по *форме правления* являлось сословно-представительной монархией с элементами федеративной княжеской республики. Государственно-политический строй кабардинцев (или кабардинского субэтнического социума) был типичным для всей «аристократической» группы адыгов. Различия же обнаруживаются лишь тогда, когда в качестве объекта сравнения берется *государственное устройство* Кабарды, которая, в отличие от других княжеских владений Западной Черкесии, представляла собой *малую феодальную империю*, объединявшую различные этносоциальные и политические организмы под властью одного княжеского дома Иналовичей. Она представляла собой конгломерат, который состоял из главенствующего центрального государства и присоединенных (или завоеванных) народов, не имевших или утративших свою государственность, но располагавших определенными формами политического самоуправления. С XVI до начала XIX вв. в состав единой политической общности под названием Кабарда помимо титульного субэтнуса входили горские племена и народности Центрального Предкавказья (абазины, карачаевцы, балкарцы, осетины, ингуши и западные чеченцы). Показательно, что ее имперские амбиции особенно остро и болезненно проявлялись в переломные моменты истории. В частности, в период сопротивления колониальной экспансии России одно из основных требований кабардинских князей заключалось в возвращении этих народов в прежнее «подданство».

Государственная власть в Кабарде была имперской по отношению к окраинам, но она характеризовалась определенным полицентризмом внутри кабардинского субэтнического социума. Другими словами, в структуре ее государствообразующего ядра содержались элементы федерации. А это значит, что в государственное устройство кабардинского общества изначально были заложены предпосылки будущего распада и соответственно развала кабардинской феодальной империи. Однако все это обнаружилось в другом историческом контексте при ее столкновении с Российской империей. До этого политическая система Кабарды успешно выдерживала как внешние, так и внутренние деструктивные воздействия.

Крайняя ограниченность источников существенно затрудняет реконструкцию политической организации княжеских владений в западной Черкесии в XVI – XVIII вв. Это об-

стоятельство вынуждает нас пользоваться материалами, относящимися к первой половине XIX в. Они репрезентативны и для XVIII в., но с определенными оговорками, учитывающими характер и степень трансформации традиционной политической системы.

Одну из лучших характеристик политического устройства западных адыгов, управлявшихся князьями, оставил Хан-Гирей. И хотя он создавал «Записки о Черкесии» в 1830-х гг., изложенную им информацию в большей мере следует относить к предшествующему столетию. Она отражала основные параметры идеальной модели политической системы адыгского общества, еще не подверженной деструктивному воздействию российского колониализма и не испытавшей влияния процессов демократизации у шапсугов, натухайцев и абадзехов. Работа Хан-Гирея довольно убедительно показывает сходство политических систем Западной и Восточной Черкесии и вместе с тем позволяет обнаружить их особенности.

Политическая организация княжеских владений Западной Черкесии, так же как и в Кабарде, основывалась на взаимодействии верховного князя с центральным сословно-представительным собранием и высшей судебной инстанцией. Необходимо учитывать, что этнополитическая структура Западной Черкесии отличалась известной разнородностью. На сравнительно небольшом географическом пространстве сосредоточивалось более десяти адыгских субэтносов, различных по численности, размерам контролируемой территории и политическому влиянию, но одинаково суверенных. Составляя в своей совокупности один этнос, они тем не менее никогда не объединялись в единое централизованное государство с общеадыгскими общественно-политическими институтами. Более того, между этнополитическими образованиями Западной Черкесии регулярно возникали враждебные отношения. В нестабильных условиях сосуществования западные адыги, управлявшиеся князьями, выработали определенные институты, регулирующие способы разрешения политических противоречий, в частности, посредством переговоров представителей княжеских уделов и дворянских вотчин.

Если задачей переговоров являлось заключение мира, то каждая сторона собирала двух- (иногда и трех-) палатную хасу, располагая их в отдалении друг от друга, обычно на границах владений. Сначала переговоры велись посторонними посредниками, приглашавшимися из других феодальных владений, а затем они проходили в ледующем порядке: «С обеих сторон назначаются по одному красноречивому мужу, которых называют пересказателями или послами (*тлько*), и по одному объяснителю общего дела (*кушеако*). Эти последние, которых знанию дел и силе красноречия поручается судьба сопколенников, ведут переговоры через пересказателей (которые большею частью суть посторонние, не причастные к делу лица), из коих на одном лежит в особенности обязать пересказывания

того, что от обеих сторон ему поручается; другой же есть его помощник. Пересказатели эти непрестанно ходят (если расстояние большое, то и ездят верхом) от одной партии к другой, и главный из них пересказывает на них возложенное от одного общества к другому. Таким образом продолжаются переговоры до окончания дела. Достоин замечания, что эти пересказатели владеют такою силою памяти, что ни одного слова не забывают, и в доказательство того главный пересказатель, возвращаясь к каждой партии, повторяет с начала и до конца все то, что ему от нее поручено было... За неприличие почитается, если объяснители, пересказатели или другие лица, участвующие в переговорах, горячась, приходят в некоторое исступление» (331,с.130-131).

Успешным завершением политического диалога считалось компромиссное соглашение об удовлетворении взаимных претензий или заключение союза. Последнее, по словам Хан-Гирея, означало то, «что ежели постороннее племя объявит войну одному из союзнических племен, то вооружаться и действовать заодно; членам одного племени не делать набегов на аулы другого, и прочие мирные расположения и союзные вспомоществования оказывать между собою» (331,с.130-131).

Далее адыгский историк излагает две возможные формы возобновления переговоров, если враждовавшие стороны не достигали согласия. Их естественным завершением Хан-Гирей считает перемирие, которое затем «для заключения совершенного мира» должно продолжиться новыми съездами и примирительными переговорами. Значимость указанной функции хасы подчеркивалась «ужасным междоусобием» (Хан-Гирей), царившим в феодальной Черкесии.

2. 3. Политическая организация шапсугов, натухайцев

и абадзехов в XVII – XVIII вв.

О политическом устройстве шапсугов, натухайцев и абадзехов в XVII – XVIII вв. имеются лишь несколько лаконичных сообщений, которые позволяют в самых общих чертах представить характер их политической организации и своеобразие её эволюции.

Согласно историческим преданиям, зафиксированным в XIX в. Л. Я. Люлье, Дж. Беллом и Н. А. Каменевым, в 30-х гг. XVII в. абадзехские крестьяне при поддержке беглых крепостных из Бжедугии, Темиргоя и других княжеских владений Западной Черкесии подняли восстание против бжедугских князей. Совместными усилиями в итоге напряженной восьмилетней борьбы примерно к 1639 г. бжедугские феодалы оказались вытеснены из верхнего и среднего бассейна р. Псекупс. О результатах этого антифеодального движения существует краткое и довольно расплывчатое сообщение английского анонима XVII

в., на которого ссылается Н. Витсен: «они (т.е. абадзехи и присоединившиеся к ним) истребили у себя крупную и мелкую знать и теперь управляются начальниками или вождями, которые живут в полном согласии с общиной» (4, с.91).

Детали произошедших в 1630-х гг. общественно-политических изменений неизвестны. Однако есть основания говорить о том, что они положили начало долговременному процессу общественной трансформации, продолжавшемуся с различной интенсивностью в течение более чем двух столетий. Как сообщал в 1743 г. петербургскому правительству кабардинский посол князь Магомет Атажукин, жители Большой Абазы (т.е. абадзехи) «владельцев не имеют, а правят между ими старики. Закона никакого не имеют, и ни у кого не в подданстве. Другой народ – шапсо (т.е. шапсуги), соседственный абазе, имеет особый язык и такое же правление, а закона не имеют...» (273, с.36–37). По сведениям Л. Я. Люлье, до конца XVIII в. в общественно-политической практике «демократических» адыгов сосуществовали аристократические и демократические собрания. Их параллельная деятельность была продиктована желанием «приискать средства к водворению порядка» (196, с.21), отсутствовавшего из-за непримиримых противоречий знати и тфокотлей. Однако симбиоз различно ориентированных политических традиций оказался неспособным прекратить конфликты аристократии и свободного крестьянства. Первые во что бы то ни стало пытались сохранить прежние феодальные привилегии. Вторые все более активно, мощно и организованно противодействовали этому. К концу XVIII в. многолетнее противостояние вылилось в масштабное вооруженное столкновение.

Основываясь на приведенных данных, есть основание предполагать существенные изменения в традиционном политическом сознании тфокотлей, в частности, формирование качественно новых для адыгского феодализма представлений о распределении общественных функций между сословиями.

Своеобразный политический опыт, полученный тфокотлями под влиянием первых успехов антифеодальной борьбы, и возникшая на этой основе идеология «народного правления» стали предпосылкой общественно-политических преобразований в конце XVIII – первой половине XIX вв., известных в исторической литературе как «демократический переворот».

Этим определялось основное историческое значение данного периода, так мало отраженного в источниках, но, как представляется, определившего направление и особенности дальнейшей общественной эволюции этой группы адыгов.

2.4. Традиционные институты общественной саморегуляции

2.4.1. Гостеприимство, куначество и покровительство

«Между разными племенами, рассеянными на Кавказе, не было бы других отношений, кроме военных, если бы дружба [куначество] и гостеприимство не производили между ними частных, но не менее прочных и для человечества полезных связей...» (55, с.187) – писал в начале XIX в. С. Броневский. В настоящем разделе рассматриваются институты, которые обеспечивали функционирование системообразующих социальных связей традиционного адыгского общества.

«Гость – посланник бога» (35, с.179) – гласит известная адыгская пословица. *«Гостеприимство* – наиболее соблюдаемая статья их религии», - отмечал в начале XVIII в. Абри де ла Мотрэ (4, с.120). Сакральный характер гостеприимства у адыгов неоднократно подчеркивался Хан-Гиреем: «Гость есть святыня в Черкесии, сия священная добродетель была и язычеством поддерживаема...» (331, с.300,302). «Для нас всякий путешественник, - отмечал Ш. Ногмов, - переступивший через порог сакли, есть лицо священное». (239, с.30)

Все авторы первой половины XIX в., писавшие о гостеприимстве, считали его главной добродетелью адыгов. «Гостеприимство у черкес считается первейшей добродетелью, и гость у них, кто бы то ни был, есть особа неприкосновенная», - отмечалось в сборнике адатов А.А. Кучерова (185, с.125). «Гостеприимство – добродетель, свято чтимая у древних, сохранилась и поныне на Кавказе, а в особенности у черкес», - писал Л. Я. Люлье. (194, с.33) Оставаясь важнейшим элементом традиционной соционормативной культуры адыгов, гостеприимство выполняло разнообразные функции, взаимодействуя с другими общественными институтами (покровительством, куначеством) в межсословных, торгово-хозяйственных, политических и международных отношениях. Сакрализация его норм являлась необходимым условием функционирования этого обычая и соответственно стабильности регулируемых им отношений. По характеру прав и обязанностей объектов и субъектов гостеприимства, можно выделить два его принципа. Во-первых, оно распространялось на любого человека, не исключая преступника или кровника. Во-вторых, ради безопасности гостя хозяин должен был жертвовать всем, вплоть до собственной жизни. Эти моральные императивы являлись теми полюсами, между которыми реально функционировало традиционное гостеприимство.

«В Черкесии, путник, томимый голодом, жаждою и усталостью, везде обретает гостеприимный кров, - писал Хан-Гирей, - хозяин дома, где он остановился, встречает его

радушно и, не будучи с ним вовсе знаком, прилагает все возможное старание его успокоить, даже не спрашивая, кто он таков, откуда и зачем едет, доставляет ему все нужное» (331, с.298-299). «Вошедший в дом, - отмечал С. Броневский, - вступает во все права гостя, то есть под особенную защиту хозяина, пока со двора не съедет, причем подразумевается обязанность накормить гостя, упокоить и проводить его на безопасную дорогу или к ближайшему соседу благополучно. Приезд гостя есть приятное происшествие для всех домашних, доставляющее всякому свои заботы, кои отправляются с отменною услужливостью» (55, с.189). По сведениям Хан-Гирея, обязанности хозяина по защите гостя подразумевали следующее: «Если кто оскорбит его или что-нибудь похитит у него, то хозяин за все вступается: обида, нанесенная гостю, равномерно обидна и хозяину, который жертвует жизнью и достоянием, стараясь доставить удовлетворение гостю, также и себе, ибо недостижение этого приписывается его слабости, унижающей до оскорбления его род» (55, с.299). Т. Лапинский дополняет эту характеристику важной деталью: «Жилище адыга – неприкосновенное убежище. Каждый, переступивший его порог, оказывается под защитой хозяина дома, даже если он его личный враг». (184, с.188)

Важной частью обязанностей хозяина являлась необходимость сопровождения своего гостя до безопасного места. Обычай брать провожатых был одной из форм сочетания элементов куначества и патроната для реализации функций гостеприимства. Как подчеркивал С. Броневский, благодаря ему «сближаются между собою народы, или по крайней мере, есть возможность к взаимному их сообщению». (55, с.188)

Одним из атрибутов традиционного гостеприимства являлся дарообмен. В прошлом он получил настолько большое развитие, что возникло даже такое специфическое явление, как “гость с просьбой”, когда главная цель визита состояла в получении подарка. При этом предполагалось, что гость рано или поздно вознаградит щедрость хозяина. При отсутствии у последнего возможности соответствующим образом одарить гостя, на помощь приходили его вассалы, соседи, родственники и т.д. Если «гость с просьбой» являлся кунаком, в его честь мог быть организован набег на чужие владения, а вся добыча предоставлялась гостю. «Сей странный способ помогать друг другу, с обидою ближнего, употребляемый между кавказскими народами от древнейших времен, есть главное звено их политических соотношений» (55, с.187), - писал в начале XIX в. С. Броневский. Акт дарения цементировал кратковременные отношения, возникавшие на почве гостеприимства, с перспективой превращения их в постоянные. Тем самым создавалась основа для его перерастания в *куначество*.

Согласно обычному праву адыгов, гость находился под защитой хозяина лишь до тех пор, пока пребывал в его доме. Покинув его, он становился потенциальной жертвой

для воров, убийц или желающих обратить чужестранца в рабство. Во избежание такого развития событий оформлялись более долговременные отношения, способные гарантировать его безопасность. У адыгов кунаком считался лишь тот гость, кто был связан с хозяином дома особыми узами дружбы. «Конакам своим они обычно остаются верны и дома, и вне дома» (4, с.50-51), - отмечал в середине XV в. Дж. Интериано.

В традиционном феодальном обществе куначество достаточно эффективно закрепляло политические отношения аристократии с представителями других этнополитических образований. Характеризуя общественные функции шапсугского дворянства до конца XVIII в., Хан-Гирей отмечал, что оно обеспечивало своим подвластным «выгоды от сношений с соседними племенами, с которыми оно всегда имело дружественные связи». Эта прерогатива составляла одну из основ его влияния, которое, по словам адыгского историка, «можно было назвать властью» (332, с.206). Международный аспект куначеских связей правящей верхушки был функционально и генетически связан с институтом покровительства внутри субэтнического социума.

В архивных документах XVIII в. термином «кунак» чаще всего обозначался человек, принятый под покровительство того или иного владельца (70, с.321). «Черкесы, - писал Хан-Гирей, - под названием «гость» в обширном смысле понимают и людей... прибегающих к защите и покровительству постороннего владельца» (331, с.283). Многие путешественники, побывавшие в Черкесии в XVIII – первой половине XIX вв., были в безопасности благодаря покровительству влиятельных лиц. (292, с.68)

В «Записках о Черкесии» базовые принципы традиционного покровительства раскрываются следующим образом: человек, нуждающийся в защите, «является к лицу, сильному властью, знатностью рода, обстоятельствами, и поручает себя, свое семейство и все достояние его покровительству, в чем ему и не отказывают никогда, ибо не соблюдавший обыкновения – оказать защиту просящему – наносит тем собственному своему достоинству величайшее посрамление в мнении народа... Лицо же, принятое под защиту, поступает уже под покров гостеприимства на правах гостя» (292, с.282).

Покровитель получал возможность пользоваться услугами своего «клиента», а также располагал определенной частью штрафов, которые взыскивали с лиц, виновных в его обиде. Таким образом, складывались взаимовыгодные отношения, которые добровольно поддерживались до тех пор, пока одна из сторон не нарушала какое-либо из их условий. В этом случае покровительствуемый был «волен поместить себя под покровительство другого» (292, с.123). «Поступающие под покровительство владельцев живут, по большей части, в аулах своих покровителей, что приносит и этим последним пользу, умножая число их окружающих и подвластных, оказывающих им разного рода услуги» (331,

с.282). Но бывало и так, что некоторые из «покровительствуемых людей, обитая и в другом ауле или даже племени, состоят под защитою посторонних владельцев, которых покровительству себя поручают, во избежание самовластия тех, от которых находятся в зависимости» (331, с.282-283).

Обязательства сторон, вступающих в отношения покровительства, являлись важной особенностью традиционного правосознания адыгов. В широком смысле в категориях покровительства понимались и взаимоотношения крестьян и владельцев (332, с.262; 331, с.122,316), вассалов и сюзерена (331, с.129) и т.п. У сторонних наблюдателей своеобразный характер этих социальных связей создавал видимость свободы, прикрывавшую достаточно жесткую социальную иерархию.

Институты гостеприимства, куначества и покровительства ограничивали княжеские междоусобицы и обеспечивали до известных пределов безопасность князей-изгоев (70, с.191-193).

Одной из важных привилегий аристократии являлось покровительство над крестьянами в их конфликтах со своими владельцами. По традиции, обиженный крестьянин на время оставался у покровителя до урегулирования конфликта с хозяином. Обращение к защите более высокопоставленного владельца составляло неотъемлемое право крестьян, которые всегда остро реагировали на его нарушение. С 60-х гг. XVIII в. царизм стал поощрять бегство кабардинских крестьян в русские крепости и города. При этом беглецы мыслили свои отношения с русским начальством в традиционных категориях покровительства-куначества, как впрочем, и владельцы этих крепостных. 2 ноября 1782 г. в рапорте командующего Кавказским корпусом П.С. Потемкина ген.- аншефу Г.А. Потемкину отмечалось: «многие владельцы до моего еще приезда, узнав о вверенном мне начальстве над корпусом, прислали ко мне прошение чрез наших командиров, чтоб *возвратить им тех кунаков*, кои близ крепостей поселились, в чем я им отказал, ибо сие послужило бы всегдашнему порабощению им черни, которую я не премину всегда освобождать от притеснения владельцев» (137, с.346). Мнимая забота о «черни» и показное стремление соблюдать обычай куначества-покровительства диктовались политикой царизма по разжиганию внутренних социальных конфликтов в Кабарде с целью ее дальнейшего ослабления. Примечательно также и то, что «порабощение черни» осуждали военные деятели страны, где крепостные фактически были доведены до положения рабов.

Институт покровительства являлся одним из структурообразующих элементов в системе внешнеполитических связей адыгов как с государствами, которые пытались установить господство над ними, так и с зависимыми от них народами. В первой четверти XVIII в. К. Главани отмечал: «Черкесия... ни от кого не зависит и состоит под покрови-

тельством крымского хана, насколько сама признает это для себя удобным; в случае предъявления им каких-либо чрезвычайных требований отвергает их без стеснения” (4, с.158). Ниже он добавляет: каждый князь «самостоятелен в своем владении, хотя они почти всегда находятся под покровительством хана Татарии» (4, с.161).

По всей видимости, Темрюк Идаров, заключая в 1557 г. договор с Иваном IV, понимал его в терминах куначества-покровительства. В 1779 г. кабардинские князья и уздени сообщали генералу Якоби, подавившему восстание в Кабарде, что «с самых времен царя Иоанна Васильевича они никогда не были Российскими подданными, а находясь так, как кунаки (гости или приятели), в покровительстве, и что ныне желают покориться на тех же условиях» (122, с.88). Именно покровительством называли взаимоотношения России и Кабарды П.С. Паллас (4, с.218) и С. Броневский (55, с.97).

В политической практике кабардинских княжеств особенность функционирования рассматриваемого института заключалась в том, что каждое из них «совершенно независимо друг от друга» (4, с.176) устанавливало отношения как с покровителями (Россией, Турцией, Крымским ханством, Ираном), так и с покровительствуемыми народностями (4, с.160,246). Постепенно эти связи приобретали характер вассальных и подданнических отношений. Но даже если верховному князю покровительствовал кто-то из иностранных правителей, то это вовсе не означало, что такое покровительство признавалось всеми княжескими уделами Кабарды. В зависимости от внутри- и внешнеполитической конъюнктуры они на протяжении XVI – XVIII вв. придерживались то прорусской, то прокрымской ориентации.

Помимо политического аспекта, международное покровительство играло важную роль во внутренней и внешней торговле Черкесии (46, с.142-146). При этом не только феодальные владельцы, но и крестьяне старались оказывать покровительство иностранным купцам (292, с. 38-39,149; 4, с.162; 55, с.188), ревниво оберегая свои права в этой сфере. Ограбление дворянами Шеретлуковыми проезжих торговцев, находившихся под покровительством одного из шапсугских «братств» повлекло за собой обострение социальных конфликтов, завершившихся Бзюкской битвой 1796 г. и узаконениями Печетнико-зефес, которые закрепили равные права «вольных земледельцев» и дворян на оказание покровительства.

С конца XVIII в. среди шапсугов, натухайцев и абадзехов существенно расширяется социальная основа функционирования покровительства. «Стремясь получить свободу», беглые крестьяне из княжеских владений вступали под покровительство тфокотлей из влиятельных братств (4, с.496; 331, с.200-201), что сыграло важную роль в увеличении численности и политическом усилении «демократических» адыгов.

В целом институт покровительства у адыгов выполнял чрезвычайно широкие социальные функции, принимая самые разнообразные формы в зависимости от социокультурного и политического контекста. В «Описании кабардинского народа» 1748 г. сообщалось, что «кабардинцы из разных наций беглецов к себе принимают, и оных, а особливо знатных без великого принуждения назад головою не выдают» (137, с.160). Попытки России и Турции ограничить сферу действия этого обычая потерпели неудачу.

В 1752 г., ссылаясь на условия Белградского договора 1739 г., Турция обратилась к России с жалобой на кабардинцев, обвинив их в укрывательстве бесленеевских дворян Дохчукиных и Махукиных вместе с их подвластными, убивших одного из крымских султанов. От князя Джамбулата Кайтукина, возглавлявшего Кашкатаускую партию, потребовали выдачи трехсот семей бесленеевцев, принятых ранее его покойным братом Асланбеком Кайтукиным под свое покровительство. Для выполнения указанных требований к границам Кабарды были подтянуты войска России и Крымского ханства. Затем по настоянию Баксанской партии летом 1753 г. в страну был введен крупный военный отряд под командованием майоров И. Барковского и П. Татарова. Однако Дж. Кайтукин отклонил претензии России и Турции. Тогда посланные к нему русские офицеры стали недвусмысленно угрожать, что он «неотменно со своими подвластными разорен будет до основания» (АВПРИ, ф.115, Кабардинские дела, 1754 г., д.6, л.195об.). Дж. Кайтукин оказался в безвыходном положении. Тем не менее он заявляет, что может передать бесленеевцев «майорам на руки» лишь в том случае, если получит от них соответствующие гарантии, что его клиенты не подвергнутся кровомщению за пределами Кабарды. Когда и эти условия с определенными оговорками были приняты российской стороной, возникло другое препятствие. 17 октября 1753 г. присланный от Дж. Кайтукина уздень Али Чипчев сообщил И. Барковскому и П. Татарову, что во владениях Кашхатауской партии «ни одного человека крымско подданного не имеется, но рожденные все от бесленейцев дети и внуки, а отцы их собраны были в Кабарду по убийстве одного крымского султана и... награждены были от... Росланбека (Асланбека – Ред.) Кайтукина скотом, лошадьми, ясырями, панцырями и всяким оружейным снарядом и другими пожитки и домами на немалую сумму». Они «по большей части были холостые и оженились на сущих кабардинках», став «сродственниками знатных их узденей». Теперь «хотя они называются бесленейцы, но сущие кабардинцы». Поэтому «отдать их никак невозможно без обыкновенного их по обычаю суда» (АВПРИ, ф.115, Кабардинские дела, 1754 г., д.6, л.221-222об.).

Если проследить за последовательностью аргументаций Дж. Кайтукина, направленных против «отдачи бесленейцев в Крымскую сторону», то решающим доводом являлось то обстоятельство, что бесленеевские знатные дворяне Дохчукины и Махукины,

проживая со своими подвластными в княжестве Кайтукиных в качестве клиентов и получая от них *уорктын*, со временем фактически превратились в их вассалов. Иными словами, здесь наблюдается процесс трансформации покровительства в отношения сюзеренитета-вассалитета. Передавая без каких-либо условий кубанскому сераскиру потомков «беглых бесленейцев», Кайтукины нарушили бы и обычай покровительства, и вассальный договор, потеряв не только большое количество дворян, но и то, что невозможно было восстановить – честь. А на это не мог пойти ни один кабардинский князь, не боясь навлечь на себя всеобщее осуждение.

Говоря о роли покровительства в международных связях адыгов, нельзя не коснуться одной ее разновидности, существовавшей в их взаимоотношениях с Османской империей. Принимая ислам в его суннитской форме, они должны были признавать и религиозное покровительство турецкого султана, считавшегося еще и халифом, т.е. главой всех правоверных мусульман. Но это не могло быть единовременным актом, поскольку распространение ислама среди адыгских субэтносов происходило в различное время. Значение религиозного покровительства турецкого султана возрастало по мере нарастания экспансии России. С ликвидацией независимости Кабарды оно теряет смысл, но сохраняет свою актуальность в Западной Черкесии до окончания Кавказской войны.

В 1826 г. феодальные владельцы Закубанья, представлявшие интересы западных «аристократических» адыгов, в очередной раз согласились на покровительство турецкого султана «с условием, что эта присяга не уменьшит их независимости» (293, с.163). В то же самое время шапсуги категорически отвергли заключение подобных соглашений. Однако уже через двадцать лет под воздействием войны они изменили свою позицию. По сведениям К.Ф. Сталя, «народы черкесские, живущие за р. Лабою и по берегу Черного моря, признают турецкого султана своим халифом, главою религии и во всех переговорах с нами (Россией – Ред.) ссылаются на мнимое покровительство султана» (293, с.162). Несмотря на его номинальность, оно стало одним из важных идеологических факторов их сопротивления России.

Значительная часть функций покровительства во взаимоотношениях адыгов с другими народами реализовывалась через аталыческие связи, что лишней раз подчеркивает взаимозависимость традиционных институтов общественной саморегуляции.

2.4.2. Аталычество

Со времен Интериано (4, с.48) *аталычество* отмечалось всеми авторами как характерное явление традиционного общественного быта адыгов. Как пояснял Хан-Гирей, «слово «аталык» есть татарское, принятое черкесами и имеющее смысл: заменить отца.

Воспитанник именуется на кабардинском наречии «ккан»... На наречии низовых черкесов воспитанник называется «ппур», что значит «воспитываемый» (331, с.334). В условиях сохранения традиционной сословной иерархии оно выполняло две основные функции: способа воспитания и средства поддержания сюзеренно-вассальных отношений.

Хан-Гирей, который сам в детстве воспитывался у аталыка, дает следующую характеристику этого процесса. Аталык «прилагает свои попечения о том, чтобы его воспитанник был ловок, учтив в обхождении с старшими, а с младшими – соблюдал приличие своего звания, равно как неутомим в верховой езде и искусен в употреблении оружия. Аталыки ездят с ними в отдаленные племена, чтобы приобрести вновь вступающему на стезю наездничества друзей и знакомых. Когда же воспитанник придет в совершенный возраст, то воспитатель возвращает его в дом родителя с торжеством... Девочка, отданная на воспитание, воспитывается под попечением жены аталыка или приемной матери. Она приучается там к рукоделиям, приличному обхождению, словом, ко всему, что необходимо для будущей ее жизни в супружестве. Приемная мать ездит с нею на празднества, сопровождаемые танцами, и под ее надзором она там проводит время в танцах; при возвращении же воспитанницы в родительский дом соблюдаются те же обряды, какие при возвращении воспитанника». (331, с.61-262)

Общественно-политическое значение аталычества заключалось в установлении или закреплении социальных связей между представителями господствующего класса. «Князья издавна для увеличения своей силы, - писал Хан-Гирей, - искали все возможные средства, чтобы привязать к себе дворян, а эти для всегдашней защиты и вспомоществования себе во всех случаях желали более сблизиться с князьями. Беднейшие всегда и везде нуждаются в помощи богатейших, а слабейшие в покровительстве сильнейших. Для такого обоюдного сближения нашли вернейшим средством воспитание детей, которое, связывая два семейства в некотором смысле кровным родством, приносило обоюдные выгоды» (330, с.279). Дворяне прилагали все силы, чтобы заполучить наследника вышестоящего феодала, и на этой почве нередко происходили ссоры, доходившие иногда до кровной вражды. Соперников было тем больше, чем сильнее и богаче был его отец.

Князья, как правило, внешне не вмешивались в соперничество аталыков, предоставляя им самим или обществу, решить вопрос, у кого из претендентов будет воспитываться его ребенок. Случалось и так, что находили компромиссное решение, и ребенок воспитывался у нескольких аталыков поочередно.

В работе К.Ф. Сталя приводится интересный эпизод из жизни адыгов, связанный с воспитанием одного из отпрысков «последнего представителя рыцарского поколения прежних черкесских князей» Джембулата Болотокова. «Аслан-бек, сын Джембулата Боло-

токова, темиргоевского князя, имел трех аталыков. Первым был Куденетов, кабардинец, приближенный друг Джембулата; после по добровольному согласию князя и Куденетова, абадзехский старшина Аджи-Аджимоков взял Аслан-бека к себе. Хаджи Берзек, шапсугский дворянин (бывший аталык Джембулата), пожелал быть аталыком его сына, украл у Аджимокова молодого Аслан-бека и воспитывал его у себя. Через это произошла кровавая вражда между Аджимоковым и Берзеком; наконец, обе стороны предалась на суд народный, сделано было много речей. Молодой Аслан-бек был отнят у Берзека и возвращен Аджимокову с тем, чтобы через несколько лет быть возвращенным опять Берзеку, у которого Аслан-бек Болотоков и окончил свое воспитание». (293, с.115-116)

Хан-Гирей отмечал, что взаимная заинтересованность составляет характерную черту взаимоотношений аталыка и лица, отдающего ему на воспитание своего ребенка. Главной причиной этого являлось то обстоятельство, что «не только семейство воспитателя поступает в тесную связь с семейством воспитанника, но даже родственники первого и их подвластные поступают под защиту воспитанника». (331, с.262)

В княжеских владениях Черкесии пши отдавал своего ребенка на воспитание тле-котлешу или диженуго. Принимая на воспитание ребенка вышестоящего лица, аталык устанавливал с ним искусственное родство, которое почиталось не меньше, чем кровное. Дети воспитателя становились молочными братьями и сестрами кана (воспитанника). Впоследствии его привязанность к нему не уступала сыновним чувствам к своему родному отцу, если не превосходила их. В лице кана род аталыка приобретал мощную защиту. Общественный вес воспитателя становился несравненно выше влияния равного с ним по статусу лица, но не имевшего таких связей. Воспитание кана с младенческих лет до совершеннолетия устанавливало между ним и семьей аталыка такие отношения, что часто интересы кровных родственников приносились в жертву аталыческим связям, порождая вражду между родными братьями, воспитывавшимися у разных аталыков.

Хан-Гирей с горечью отмечал, что воспитанник нередко любит детей аталыка «нежнее своих родных братьев и сестер». «Удивительно ли, – продолжает он, – что почти всегда братья, по привычке сделавшиеся детьми посторонних родителей, питают взаимную ненависть, будучи к этому расположены ежедневными примерами, им подаваемыми их воспитателями, которые, ища более один перед другими расположения к себе сильного родителя своих воспитанников, друг к другу хранят вечную вражду? Наконец, не удивительно ли, что дети одного родителя в отрочестве и в юности привыкшие друг к другу питать злобную ненависть, которую с молоком матери в себя восали, придя в лета возмужалости, друг друга не щадят, как лютейшие звери?». (331, с.260-261)

У адыгов в процессе развития феодализма аталычество служило одним из средств

укрепления отношений сюзеренитета-вассалитета. Но и в период существования уже развитого вассалитета оно выполняло весьма важные функции, усиливая феодальную иерархию, а где-то и компенсируя ее недостатки. Более того, аталыческие связи в общественных делах часто оказывались весомее отношений сюзеренитета-вассалитета.

30 декабря 1748 г. владелец Малой Кабарды Адильгирей Гиляхстанов сообщил командующему войсками в Кизляре, что «кабардинские владельцы, разоряя их деревни, поели скот, просо и сено без остатку потравили и третьего дня в вечер находятся по Тереку у *емчеков* (аталыков. – Ред.) своих в больших его Адильгиреевых Анзорах» (Архив КБИГИ, ф.1, оп.1, д.4, л.32) (курсив наш. – Ред.).

Как свидетельствуют архивные документы, объединенные войска трех княжеских уделов Большой Кабарды вторглись в Малую Кабарду для расправы с изгнанным Касаем Атажукиным, который нашел убежище у тлекотлешей Анзоровых. Причем, разоряя одни деревни, они щадили другие, в особенности те, которые принадлежали Анзоровым.

Парадоксальность ситуации подчеркивалась тем обстоятельством, что именно Анзоровы, а не Адильгирей Гиляхстанов, являвшийся их сюзереном, приняли у себя опального князя Касая Атажукина, возглавлявшего княжество Мисостовых. Конечно, в том, что, противники сразу же не напали на него, безусловно, большую роль сыграли законы гостеприимства. Но если бы организаторы военного похода не являлись канам (воспитанниками) Анзоровых, то участь Касая Атажукина была бы предрешена. Зная это, последний предпринял ловкий политический маневр, остановившись в качестве гостя не у своих вассалов – Тамбиевых и Куденетовых, - а у воспитателей своих врагов, временно нейтрализовав их враждебные действия.

Аталычество в это время часто использовалось как средство установления вассальных отношений с новым сюзереном.

26 ноября 1753 г. И. Барковский и П. Татаров, находившиеся в Кабарде с посреднической миссией, спрашивали Кази Таусултанова (владения которого разорили князя Кашкатауской партии), «почему они Таусултановы Анзоровых подвластных именуют своими, ибо оных и Большой Кабарды владельцы своими называют». Кази Таусултанов «на то отвечив: оные де Анзоровы издревле подвластные их Таусултановы, только де по усилию ныне Большой Кабарды владельцы оных Анзоровых, баксанские Амуртазиных и Коголковых Кашкатовские, называя *своими емчеками*, от них отнимают и действительно желают от них Таусултановых отрешить» (АВПРИ, ф.115, Кабардинские дела, 1754 г., д.6, л.247об.) (курсив наш. – Ред.).

Таким образом, при ослаблении могущества Таусултановых князя Большой Кабарды решили отобрать у них часть вассалов, используя в данном случае обычай аталыче-

ства. Никакой другой аргумент не имел бы юридической силы, поскольку часть тлекотлешей Анзоровых в течение многих столетий состояла на вассальной службе у князей Таусултановых. Это обстоятельство, по всей видимости, следует рассматривать еще и как рецидив того в прошлом широко распространенного явления, когда аталыческие связи являлись одним из путей установления отношений сюзеренитета-вассалитета. С другой стороны, данный случай свидетельствует, что аталычество могло быть не только средством поддержания отношений сюзеренитета-вассалитета, но и в определенных ситуациях эффективным способом разрыва вассальных отношений с прежним сюзереном и перехода на службу к более могущественным владетелям, каковыми в то время стали князья Большой Кабарды из рода Казыя.

С учетом вышесказанного становится более понятным следующее сообщение С. Броневского: «Князья Большой Кабарды охотно отдают своих детей на воспитание узденим Малой Кабарды, дабы посредством сих связей иметь в руках удобность развлекать (ослаблять – Ред.) власть князей Малой Кабарды и питать между ними внутренние раздоры» (55, с.173).

Некоторые из аталыков добивались в Кабарде такого авторитета, что на хасах они могли сорвать решения, от которых зависели судьбы всей страны. 1 ноября 1753 г. князь Кайтуко Кайсимов, не присягая на общем собрании, противопоставил себя всей Кашкаутской партии из-за того, что его воспитатель Батыр Куденетов «состоит в одной присяге с Хам Мурзой Росланбековым», которого Кайтукина фамилия перестала «считать за брата», т.е. по существу исключила из рода за его сепаратистские действия.

Аталыки пользовались доверием, которым не располагали даже самые «ближние уздени». В обстановке междоусобиц, взаимной подозрительности, шпионажа и вмешательства во внутренние дела Кабарды других государств аталыки в качестве особо доверенных лиц часто выполняли посреднические функции в переговорах между враждующими партиями и княжествами.

28 июня 1747 г. в рапорте командующего войсками в Кизляре А.П. Девица в Коллегию иностранных дел о результатах посылки капитана И. Барковского и др. для расследования жалоб крымского хана отмечалось, в частности, следующее: «Июня 13 по переправлении через реку Баксан близ урочища Кизбуруна, где владельцы Баксанской и Кашкаутской партий стояли кошами, когда по отводу от оных места стали лагерем, владелец Баток-бек прислал своего *емчика Али Шитиева*, чтобы капитан был к нему, Батоку, ибо де владельцы все в собрании» (137, с.140) (курсив наш – Ред.). В этих же целях Бамат Кургокин (глава противоположной партии) использовал своего «дядьку» Сибиргирея (137, с.141).

Нередко аталыкам доверяли весьма ответственные поручения на дипломатическом поприще. Е.Н Кушева отмечала, что дядька Муцала Сунчалеевича Бикши Алев ездил посланцев от Муцала в Москву (182а, с.116). Воспитатель князя Б. Бекмурзина Али Шипшев не только принимал активное участие во внутривластических делах, но и часто отправлялся в качестве посла «к высочайшему двору е.и.в.».

Аталычество являлось институтом, функционирующим преимущественно среди князей и дворян. По сведениям С. Броневского, главным образом относящимся к Кабарде, «простой народ воспитывается в родительском доме и приготавливается более к сельским работам, нежели к военному ремеслу; на сем отчуждении оно от военного воспитания основывается политическая безопасность князей и порабощение крестьян» (55, с.174). Однако нельзя не сказать и о том обстоятельстве, что в некоторых источниках встречаются сведения, ставящие под сомнение факт распространения аталычества только среди феодалов. В «Записке о Большой и Малой Кабарде», составленной Дельпоццо в 1808 г., отмечалось, «что все владельцы отдают на воспитание своих сыновей к своим узденям и даже своим рабам» (РГВИА, ф. ВУА, д.18491, л.10). Относительно «рабов» Дельпоццо, без всякого сомнения, допускает явную ошибку, ибо они использовались, в основном, в качестве домашней прислуги и потому никоим образом не могли быть воспитателями будущих воинов и рыцарей.

Очевидно, речь идет о наиболее зажиточной верхушке вольноотпущенников. В правильности этого предположения убеждают материалы Терской сословно-поземельной комиссии, в которых указывается, что «вольноотпущенники очень охотно берут к себе на воспитание детей прежних своих господ, делаясь через это близкими к ним людьми» (165, с.91). В. Кудашев писал, что детей урков «иногда брали к себе на воспитание азаты, т.е. вольноотпущенники» (171, с.158). (Вероятно, эта категория азатов происходила из наиболее влиятельной и воинственной части крепостных, называвшихся лъхукъуэшо). То же самое относительно западных «аристократических» адыгов отмечал Хан-Гирей (330, с.280). По его сведениям, «... и низшего звания люди с хорошим состоянием также весьма часто отдают на воспитание в чужие руки своих детей. Разумеется, беднейшие пользуются расположением богатых, и если бедный человек из мелких дворян возьмет к себе на воспитание сына богатого из звания вольных земледельцев, то сей приемыш, гордясь такой связью, ничего не щадит для удовлетворения воспитателя. Он делается настоящим «мещанином во дворянстве» и за чванство часто становится предметом насмешек» (332, с.160). В XVIII в. тфокотли и азаты использовали аталыческое родство для повышения своего социального статуса и перехода в низшую категорию дворян. И здесь мы еще раз сталкиваемся с уже не раз отмечавшимся обстоятельством: аталычество поддерживало и

укрепляло вассально-иерархическую структуру господствующего класса.

Как отмечал Н. Дубровин, «обычай аталычества много способствовал примирению и сближению между собою разноплеменных горских семейств. Кроме того, при таком способе воспитания дети приучались говорить на чужих наречиях, что при существовании разноязычия, для них бывало весьма полезно впоследствии». (102, с.106)

Аталыческие связи между народами Северного Кавказа следует рассматривать по аналогии с отношениями, складывающимися через этот институт внутри этнического социума. Адыгский князь охотно отдавал своих детей на воспитание балкарским таубиям, осетинским алдарам и баделятам, но сам он мог быть аталыком только вышестоящего лица. Обычно он воспитывал детей крымского хана (султанов), признавая тем самым его «протекцию» или сюзеренитет. По сведениям С. Броневского, «прежде сего крымские султаны всегда воспитывались у черкесов, и в надежде на дружественные связи, между ними упроченные, при малейшем неудовольствии на хана обыкли (привыкли – Ред.) находить за Кубанью убежище» (55, с.173). Это, в свою очередь, укрепляло позиции Крымского ханства в Черкесии и отвечало его стремлению создать здесь привилегированный слой выходцев из дома Гиреев. «В числе князей и аристократии черкесской, - писал К.Ф. Сталь, - мы встречаем также потомков крымских ханов» (293, с.153). Но в Кабарде, в отличие от Западной Черкесии, не образовалось сословие султанов (хануко). Несмотря на это, умаление их роли в ее общественно-политической жизни было бы ошибкой. Подтверждением может служить сложная история ее взаимоотношений с Крымом.

В Кабарде князь, взявший на воспитание крымского султана, естественно возвышался над другими князьями. В случае войны с Крымским ханством его владениям не грозило разорение. В условиях же мира ему обеспечивалась поддержка в борьбе с его противниками. Вряд ли нужно доказывать, что такое положение обостряло междоусобицы, увеличивало степень феодальной анархии, служа тормозом внешнеполитической и внутривнутриполитической стабилизации.

Хорошо известные в исторической литературе Баксанская и Кашкатауская партии, придерживавшиеся разных политических ориентаций, образовались в 1720 г. во время похода Сеадет-Гирея в Кабарду, когда его сын, Салих-Гирей, являвшийся каном Мисостовых, возмущенный отклонением требований крымского хана частью прорусски настроенных князей, организовал заговор с целью их истребления. Они спаслись бегством «в крепчайшие урочища Кашкатав, где укрылись в городке, называемом Черек» (228, с.23). В последующем «на ту кашкатовскую партию баксанская партия неоднократно приводила крымского хана и Салих-Гирей солтана с крымскими и кубанскими войсками, от которых

владельцы кашкатовской партии будучи обеспокоены просили о российской обороне» (137, с.153).

Поскольку политические связи, устанавливаемые через аталычество, выходили за пределы Кабарды, то здесь неизбежно должны были столкнуться интересы государств, так или иначе заинтересованных в ее подчинении. Известно, что Крымское ханство, воюя с ней, прокладывало путь агрессивным устремлениям Османской империи. Но те же цели преследовала и Российская империя. После заключения Белградского мира в 1739 г. Турция и Крым не могли предпринять прямые военные действия против Кабарды, так как это неизбежно вызвало бы новую войну с Россией, в данный момент не выгодную для обеих сторон. Поэтому Турция, не отказываясь от своих прежних замыслов, вынуждена была для их реализации использовать через своего вассала внешне мирные методы, среди которых не последняя роль отводилась аталычеству.

О том, что такое положение затрагивало интересы России, ясно свидетельствует нота российского императорского двора, направленная в Стамбул в декабре 1750 г. В ней говорилось о недопустимости вмешательства крымского хана и кубанского сераскира в кабардинские дела: «Для угодности и по собственному Блистательной Порты требованию, нарочные с российской стороны в Кабарду отправлены были, как и для... высылки от них известных кубанских султанов, о которых хотя в бытность прежнего хана говорено, будто б их кабардинцы у себя держали, но в самой истине нынешний хан отец оных султанов, нарочно их в Кабарде для особливых своих видов оставляет» (137, с.171). Здесь имелись ввиду сыновья убитого в Кабарде Бахты-Гирея, Казы-Гирей и Сапелек, воспитывавшиеся в доме Арслан-бека Кайтукина, а также сыновья самого хана, Девлет-Гирей и Шагам, которые все сообща в 1747 г. «войско в Кабарду силою вводили и хотели изтребить со всем родом одного с ними несогласного из тамошних владельцев именем Кассая Атажукина, ежели б оной со всеми своими от такой погибели не спасся бегом» (137, с.172). Крымский хан Арслан-Гирей требовал платы за кровь своего родного брата Бахты-Гирея, убитого в Кабарде в 1729 г. Россия напомнила Турции, что еще в 1725 г. Бахты-Гирей был объявлен противником Блистательной Порты.

Для Турции обострение отношений с Россией было невыгодным, поэтому из Стамбула в октябре 1751 г. последовал указ крымскому хану об отзыве его сыновей из Кабарды. Кючук-Кайнарджийский мирный договор 1774 г., а затем ликвидация Крымского ханства в 1783 г. положила конец аталыческим связям с Крымом и отрицательному влиянию крымских султанов на жизнь кабардинцев.

2.4.3. Кровная месть

Картина функционирования традиционных институтов общественной саморегуляции у адыгов была бы не полной без рассмотрения особенностей *кровной мести*. Прежде всего обращает на себя внимание то обстоятельство, что ее действие ограничивалась и регулировалась развитой системой композиций. Как явствует из сведений, содержащихся в трудах Г.В.Новицкого, Хан-Гирея, Л.Э. Люлье, размер возмещений за убийство определяется условной платежной единицей под названием *сха* (букв: голова). Эта же мера использовалась при уплате калыма и служила основой для определения стоимости компенсаций за различного рода уголовные преступления: ранение, увечья, оскорбление личности, воровство и т.д.

Одно из первых описаний системы композиций у западных адыгов принадлежит Г.В.Новицкому, который адыгское *сха* обозначает тюркским термином *баш*. «Князья, дворяне, подвластные и крестьяне имеют каждые оклады, утвержденные обществом с давнего времени, и по окладам сим взыскиваются с убийцы. За убийство князя взыскивают 100 баш... За дворянина 1-го класса взыскивается 50 башей, за дворян прочих двух классов по 30, а за подвластного 25 баш» (237).

Указанная шкала возмещений, подтверждая зависимость «цены крови» от сословной дифференциации общества, в своеобразной форме закрепляла существующую социальную иерархию. Тем не менее она не отражала в полной мере всей глубины сословных различий в «цене крови», поскольку фактическая стоимость и предметный состав *сха* значительно колебались в зависимости опять-таки от общественного положения конфликтующих сторон.

Г.В.Новицкий отмечал, что из 100 баш, определенных за убийство князя, взыскивается: «1-е семь человек, из них каждый считается за одну башу, 2-е лошадь лучшая, 3-е шишак, 4-е панцырь, 5-е сабля дворянская; означенные башы уплачиваются исправно, а прочие башы заменяются отдачею части движимого и недвижимого имущества» (237). Хан-Гирей писал, что «голова первостатейная стоит по самой высокой цене 4 души молодых людей обоего пола, простая – по самой высокой цене – 4 штуки рогатого скота средних достоинств» (330, с.227).

Деление *сха* на разряды и степени прежде всего зависело от сословной принадлежности убитого. «*Сха* как мера уголовной пени, - писал Л.Я.Люлье, - бывает двух родов: 1) *вуоркесха* – по кровомщению привилегированного класса и 2) *сха* простая – по кровомщению за простолюдина. Стоимость первого больше второго» (196, с.42).

Таким образом, реальная стоимость *сха* была неопределенной и менялась в соответствии с социальным статусом, что естественно затрудняет количественное сопоставление «цены крови» представителей различных сословий. Но эти затруднения во многом устраняются, если перевести стоимость *сха* на общепринятый у адыгов эквивалент – количество рабочего скота.

Первое сообщение о стоимости *сха* в пересчете на цю(быков) мы находим у Дж. Белла, который писал, что стоимость «головы» составляла от 60 до 80 быков за князя и 8 быков за свободного гражданина (4, с.520). Л.Я. Люлье отмечал то же самое (196, с.42). Исходя из этих данных, В.К. Гарданов полагает, что «цена крови» князя «колебалась от 6 тыс., до 8 тыс. быков (считая 100 *сха*, каждая по 60-80 цю), тогда как «цена крови» простого свободного адыга (тфокотля) составляла в XVIII в. всего лишь 160 быков (20 *сха*, каждая стоимостью в 8 цю)» (70, с.233). Если же учитывать сведения А.А. Кучерова о том, что «за убийство тфокотля у всех племен платили сумму, равную стоимости пары волов с арбою и... пятнадцать быков» (185, с.146), то разница в «цене крови» князя и крестьянина будет еще более значительной.

Однако чрезвычайно высокая «цена крови» представителей адыгской аристократии демонстрировалась не только количественными характеристиками, но и включением в состав *сха* таких предметов, которые практически невозможно было уплатить. Темиргоевские тлекотлеши Декузиевы присвоили «себе право требовать от убийцы члена своего дома в числе пени: пару сапог, наполненных золою из сожженной шелковой материи; ось под телегу из дерева, черкесами называемого *шебар*, которое редко бывает толще обыкновенной восковой свечи; ручного льва и проч. Разумеется, они ничего подобного не получают, однако же, основываясь, так сказать, на неограниченности достоинства своего рода, берут страшную плату (пени) за всякое оскорбление, им наносимое, буде провинившийся слабее их, а в противном случае вражда не прекращается» (330, с.226-227).

Высокая цена крови князя укрепляла и безопасность его подвластных. В «Постановлении о сословиях в Кабарде» (1807 г.) указывалось, что князь за убийство своего узденя-пшикеу взыскивает с виновного «три семьи, в каждой по девять душ» (239, с.109). Высокая была цена крови и княжеских оброчных крестьян. В тех же «Постановлениях» отмечается, что «если кто из чагар будет убит в ссорах, за него взыскивается тоже девять душ в пользу родственников убитого» (239, с.109).

Если учитывать, что цена крови обычного крепостного, в принципе, равнялась стоимости, за которую он мог быть продан, то различия в этом отношении между ними и княжескими крепостными-чагарами окажутся весьма велики. В таком случае нетрудно представить, какую мощную защиту теряли княжеские оги, выкупившись на волю. Не-

смотря на это, они стремились обрести свободу, которая, очевидно, ценилась ими дороже, чем гарантированная обычным правом высокая «цена крови», делавшая их фактически неприкосновенными лицами.

Система композиций, отражая социальную градацию адыгского общества, вместе с тем закрепляла неравенство прав различных сословий в вопросах кровомщения. Кровная месть не могла быть обращена против вышестоящего лица. Обычно она действовала сверху вниз по отношению к нижестоящим лицам и по горизонтали между представителями одной социальной группы. Например, князь, убив кого-нибудь из знатных дворян, ограничивался уплатой «цены крови», но сам не принял бы от них никакой компенсации за убийство своего родственника, а постарался бы отомстить за него. Точно так же вели себя тлекотлеши и диженуго по отношению к знатным дворянам, а последние по отношению к независимым крестьянам. Следовательно, от социального статуса зависела не только «цена крови», но и само право кровной мести.

Л.Я.Люлье отмечал, что «народ (тфлокотль) платил пеню высшему классу (вуорк) по счету на *вуоркесха*, но следовавшие пени получал по счету на простое *сха*». Такой порядок был характерен преимущественно для шапсугов, натухайцев и абадзехов. Но и у них первостепенный дворянин не стал бы принимать от крестьян плату за кровь своего родственника. До конца XVIII в. этого не стали бы делать и незнатные дворяне.

Крестьянин обязан был удовлетвориться получением «цены крови». В «Полном собрании кабардинских древних обрядов» имеется следующая статья: «Когда уздень, поссорившись с своим чагаром, его убьет, то обязан семейству убитого дать человека или брата убитого отпустить на волю» (185, с.253). Мстить же своему господину (и вообще дворянину) чагар не имел права. Точно так же незнатный уорк не имел права мстить первостепенному уорку, а последний – князю. Иначе говоря, право кровной мести было запрещено по отношению к представителям вышестоящих сословий. Нарушение данного порядка влекло за собой самые строгие меры наказания.

«Лицо, покусившееся на жизнь князя, будет непременно истреблено с целым семейством», - писал К.Ф.Сталь (293, с.120). До сохранения кабардинскими князьями своей политической самостоятельности этой мере наказания могли подвергнуться все категории дворян, не говоря уже о крестьянах. Например, в XVIII в. дворян, подозреваемых в убийстве князя Канамата Кайтукина, «порубили всех без остатку», не различая их по степени знатности.

Таким образом, личная безопасность князя обеспечивалась не только высокой «ценой крови», но и отсутствием у нижестоящих лиц права мстить ему.

Если сравнивать различные сословия по степени напряженности отношений, возникавших на почве кровной мести, то кровная вражда между представителями высших сословий носила более ожесточенный характер, чем среди крестьян. Соответственно и вероятность примирения на верхних ступенях социальной лестницы была меньшей, чем на нижних. Здесь сказывались различные ценностные ориентации, чрезмерная щепетильность дворян в вопросах личной, родовой и сословной чести, обостренное чувство собственного достоинства и т.д. Необходимо учитывать и большую свободу действий урков и меньшую зависимость от вышестоящих лиц, которые могли бы заставить их удовлетвориться получением «цены крови». Одним словом, ограничения в праве кровной мести уменьшались по мере повышения социального статуса. На вершине же социальной пирамиды стоял князь, который ограничивал права своих подвластных в вопросах кровомщения, но сам не был ограничен в этом плане никакой вышестоящей властью. Поэтому в условиях междоусобиц его свобода нередко оборачивалась своеволием, а верховная власть в княжестве – произволом и насилием.

Степень единства традиционного кабардинского общества во многом (если не во всем) зависела от желания и возможностей князей находить между собой компромиссные решения в случае убийств. Но, как показывает история Кабарды, кровная месть получила наибольшее развитие как раз в княжеской среде, часто принимая непримиримый и неуправляемый характер. При этом изменялись масштаб, содержание и результаты кровной мести, которая стала носить политический характер. Ведь враждовали не просто отдельные личности, а суверенные монархи, поделившие страну на отдельные княжества. Это обстоятельство стало одним из главных факторов социальной и политической дезинтеграции кабардинского общества в XVIII в.

«Цену крови» князя, определяющуюся в 100 сха, кабардинцы принимали в расчет только во взаимоотношениях с другими адыгскими субэтносами. В Кабарде же кровь князя оценивалась столь высоко, что ее цена даже не получила отражения в обычном праве.

В материалах Терской сословно-поземельной комиссии отмечалось: «Плата за кровь убитого пше не могла быть исчислена. По выражению горцев, кровь убитого пше наполняет собою всю глубину ущелия, в мрачную бездну которого со страхом падает взор могильного ворона» (ГАКК, ф.348, оп.1, д.8, л.11об).

Факты свидетельствуют, что это поэтическое выражение в образной форме отражало традиционные представления кабардинцев о том, к каким катастрофическим последствиям могла привести «кровь убитого пше». Убийство в начале 20-х гг. XVIII в. князя Канамата Кайтукина разделило Большую Кабарду на две враждующие части ввергнув ее в

опустошительные междоусобицы, которые настолько обескровили страну, что она в решающий момент своей истории не смогла отстоять свою независимость.

Если в прошлом аномалии в той или иной мере преодолевались, и жизнь общества снова входила в нормальное русло, то в середине XVIII в. возникла опасная тенденция превращения их в нормы, а исключений в правило. Не связанные никакими внешними и внутренними ограничениями, чувствуя полную безнаказанность, князья грабили страну под предлогом кровной мести или компенсации за причиненный в прошлом ущерб. Одно насилие порождало другое. Кабарду охватила цепная реакция убийств, грабежей и разбоев. В этой обстановке князья с дружинами своих вассалов превращались в шайки грабителей.

В обстановке крайнего обострения княжеских междоусобиц возрождаются наиболее архаичные черты кровной мести: «кровь за кровь» и т.д. Соответственно резко снижается эффективность традиционных механизмов нейтрализации конфликтов и прекращения кровной вражды на основе системы композиций. Став инструментом политической борьбы между княжествами, кровная месть проявила все свои разрушительные возможности. Ее деструктивный потенциал явно возобладал над традиционными социорегулятивными функциями. Тем самым она ускорила разложение кабардинского субэтнического социума в этот период.

Только предельно устав от изнурительных внутренних войн, поставивших Кабарду на грань полного развала, князья согласились на перемирие и переговоры. 6 октября 1753 г. после долгих «отговорок» Кайтукины объявили, что «Канаматову кровь обеим партиям ни по каким возбуждениям и ни на каком не отыскивать и оставить оную уже втуне, яко сущею мертвою» (АВПРИ, ф.115, Кабардинские дела, 1754 г., д.6, л.214 об). Это решение было утверждено князьями генеральной присягой на историческом собрании 31 октября 1753 г., которое разделило Большую Кабарду на две части. Впоследствии это обстоятельство значительно облегчило царизму ее завоевание.

2.5. Распространение ислама

Середина XVI в. стала для адыгов (черкесов) решающим историческим рубежом в смене их конфессиональной идентичности.

Христианство они приняли еще в VI в. н.э. при византийском императоре Юстинионе. В Зихии (так тогда называли их страну) были основаны четыре епархии. Несмотря на неблагоприятные условия, адыги сохраняли приверженность к этой религии в течение почти целого тысячелетия.

Джорджио Интериано, побывавший у адыгов в середине XV в. и оставивший нам первое и наиболее достоверное описание их образа жизни, писал, что «они исповедуют христианскую религию и имеют священников по греческому обряду». При этом он обратил внимание и на специфику ее бытования: «Крещение... принимают лишь по достижении восьмилетнего... простым окроплением святой водой... Знатные не входят в храм до 60-летнего возраста, богослужение... слушают не иначе, как у дверей церкви и не слезая с коня». (4, с.47)

В данном случае Дж. Интериано отметил важнейшую особенность менталитета адыгов, которая сохранялась и в последующее время: они начинали задумываться о Боге, бессмертии души, Судном дне и т.д. только с наступлением старости. В сущности эта черта граничила с религиозным индифферентизмом. Ценность его сведений подчеркивается тем обстоятельством, что религиозные верования адыгов он рассматривает в контексте их соционормативной культуры, в тесной взаимосвязи с их обычаями, традициями и нравами. Особенно поразили итальянского путешественника языческие похоронные обряды. В своей совокупности отмеченные им факты свидетельствуют о гедонистическом характере их культуры, исключавшей в какой бы то ни было форме религиозный аскетизм и фанатизм. Господство христианства было во многом формальным. Оно не проникло достаточно глубоко в общественное сознание адыгов. Его переплетение с язычеством позволяет говорить о своеобразном религиозном синкретизме. При всем этом их принадлежность к христианскому миру у Дж. Интериано не вызывала никаких сомнений.

Падение Византийской империи, разрыв связей с Западной Европой в лице генуэзцев приводит к заметному ослаблению позиций христианства в Черкесии. На фоне его угасания происходит ревитализация архаических верований. Через одно столетие адыгская знать оказалась перед альтернативой: принимать заново христианство, учитывая рост могущества Московского государства в Восточной Европе, или ислам, ориентируясь на Крымское ханство и Турцию.

Поэтому в 50-х гг. XVI в. адыгские князья, направляя свои посольства в Москву, просят Ивана IV не только о покровительстве и защите, но и помощи в восстановлении христианства.

В феврале 1560 г. «отпустил царь и великий князь в Черкасы по их челобитью воеводу своего Дмитрия Ивановича Вишневецкого, а с ним отпустил вместе князей черкасских князя Ивана Омашука дя князя Василя Сибока з братьею, и попов с ними христианских отпустил, а велел их крестити по их челобитью и промышляти над крымским царем» (136, с. 8). Такая же грамота была дана и кабардинским князьям: «Отпустил царь и государь и вялики князь по челобитью кабартынских князей и по неправдам шевкаловым

воеводу Ивана Семеновича Черемисинова с товарищи на Шевкал и на Тюмень, и с Иваном отпустил *попы христианьские по их обещанию и челобитью крестит их, кабартанских черкас»* (136, с.8) (курсив наш – Ред.).

Адыгские князья, приезжавшие в Москву на службу русскому царю, крестились и принимали христианство. Но на их родине политика крещения не дала ощутимых результатов. По-видимому, часть этнического социума заняла выжидательную позицию, а другая склонялась в своих конфессиональных ориентациях в сторону Крыма. Однако в 60-е годы XVI в. и политика исламизации еще не привела к заметным успехам. Косвенно об этом свидетельствует грамота, направленная в 1567 г. крымских ханом Девлет-Гиреем русскому царю Ивану IV. В ней указывалось: «И мы слышали, что еси прислал людей тысечи две-три, да на Терке город поставил, того для примыслил еси, чтоб Шавкальскую землю и Черкаскую изневолить. *А шевкальцы мусульманы... А черкасы хандыкереву величеству подручны»* (136, с.14) (курсив наш – Ред.).

Приведенная выдержка говорит о том, что крымский хан не считал черкесов мусульманами, противопоставляя их «шевкальцам» (населению Шамхальства Тарковского). В противном случае он в обязательном порядке использовал бы этот решающий довод в спорах с Москвой. За неимением других аргументов он выдвигает совершенно бездоказательный тезис о том, что черкесы «подручны» турецкому султану.

Той же логике рассуждений следовал и турецкий султан Селим, направляя в 1570 г. грамоту Ивану IV с требованием снести Терский город. Он пытался убедить русского царя в том, что этот город построен на кабардинских землях, которые «искони вечные наши бывали». При этом в документе ничего не говорится о конфессиональной принадлежности кабардинцев. Если бы он считал их мусульманами, он не преминул бы воспользоваться этим аргументом в своих претензиях к Московскому государству, когда пытался придать им религиозную подоплеку, обращая внимание на то обстоятельство, что крепость на Терке препятствует мусульманам приезжать «в наши страны» (136, с.26).

Видимо, тот факт, что аристократическая верхушка черкесского общества приняла к этому времени ислам, в глазах турецкого султана еще не являлся достаточным основанием для того, чтобы считать всех черкесов мусульманами. Здесь невольно напрашивается аналогия с Грузией того же периода: принятие ее царями и их приближенными ислама вряд ли могло ввести кого-либо в заблуждение относительно конфессиональной принадлежности основной массы ее населения.

К середине XVI в. адыгские князья формально были мусульманами. Но в сношениях с Москвой они старались не подчеркивать это обстоятельство. Многие из них, присягая на верность русскому царю, «крест целовали». В июле-августе 1553 г. он «черкесских кня-

зей отпустил по их челобитию в Черкасы, *и крест государю* целовали на том, что им со всею землею Черкасскою служить государю до своего живота: куда их государь пошлет на службу, туды им ходити» (136, с.3) (курсив наш – Ред.).

Через три десятилетия исламизация адыгов, по всей видимости, уже достигла определенных успехов, что отразилось и на процедуре принятия присяги русскому царю («шерти», по терминологии тех лет).

В 1588 г. князя Мамстрюк Темрюкович и Куденек Камбулатович от имени всей кабардинской земли давали «шерть по своей вере по мусульманскому закону царю и великому князю Федору Ивановичу» (136, с.50). В последующем все кабардинские князья «давали шерть на Куране»: 13 августа 1614 г. Сунчалей Янглычев (136, с.83), 4 мая 1619 г. Алегука Шеганукин (136, с.97) и т.д.

Не ставя знака равенства между исламизацией знати и всего общества, там не менее есть основание предполагать, что в его религиозных ориентациях чаша весов стала постепенно склоняться в пользу ислама. Какие же причины лежали в основе этого процесса?

Ш.Б.Ногмов, пытаясь объяснить их, писал следующее: «Хан (крымский – Ред.) принуждал их (кабардинцев – Ред.) принять магометанскую веру, умертвил древних шогенов (священников – Ред.), палки их разбросал, а книги истребил огнем; некоторые из шогенов скрылись в горах с книгами, где dokonчили жизнь в пещерах. Оставшиеся после них книги найдены полуистлевшими. Войско свое хан расположил по квартирам, в каждый дом по четыре человека, велел кормить и поить их и лошадей, в каждом ауле поставил по одному мулле для обучения народа исламу и взял несколько княжеских детей к себе в аманаты». (239, с.99)

В сущности Ш.Б. Ногмов стоял у истоков концепции распространения ислама среди адыгов путем «огня и меча». В адыгской историографии она господствовала в течение долгого времени, найдя отражение в таких коллективных трудах, как «Очерки истории Адыгеи» (Майкоп, 1957), «История Кабарды» (М., 1957), «История КБАССР» (М., 1967. Т.1.), а также практически во всех работах, в которых затрагивалась данная проблема.

Делая акцент только на насильственный характер исламизации адыгов, он, очевидно, упрощал особенности этого процесса. В результате в его историческом труде ислам выглядел (независимо от субъективных установок и искренней приверженности к этой религии) как нечто чуждое и враждебное их духовной культуре. Поэтому его точка зрения не пользовалась популярностью в 90-е гг. XX в., в период так называемого «исламского возрождения». Однако историки, касавшиеся этого вопроса, фактически разделяли ее, опираясь на предания, изложенные в его «Истории» (143, с.82-85). Причины столь дли-

тельного влияния взглядов Ш.Б. Ногмова следует, по-видимому, искать в том обстоятельстве, что он, в основном, правильно отметил роль политических факторов в утверждении ислама, хотя и во многом преувеличивал элемент насилия.

На наш взгляд, успехи исламизации и неудачи вторичной христианизации адыгов во второй половине XVI в. объясняются, главным образом, сменой геостратегических и социокультурных приоритетов в пользу Крыма и Турции. Сейчас нет смысла вдаваться в анализ комплекса причин, приведших к этому результату. Тем более что мы располагаем только документами, отражающими точку зрения России на события того времени. В будущем этот пробел, вероятно, будет восполнен выявлением достаточного количества репрезентативных источников, хранящихся в турецких архивах. Но и те фрагментарные данные, которые содержатся в трудах турецких историков XVII в., в значительной степени уточняют и углубляют наши представления об этом процессе.

Турецкий историк XVII в. Гезар Фенн отмечал: «Крайний предел черкесов, обитающих в Таманском округе, составляют *черкесы Жанэ*; у них еще *действуют вообще постановления шариата*. *Брать с них невольников непозволительно*. А от Жанэ вплоть до черкесов Кабарды эти места войны: брать у них полоняников позволительно... Они из страха покоряются ханам, так, что говоря: « пусть только он не воюет против нас», ежегодно его величеству хану, калге и нур-эддину–султану преподносят черкесских невольников под именем подарка, потому *что райя, обитающие в их деревнях, составляют собственность их беков*» (136, с.393) (курсив наш – Ред.).

Из сведений Г.Фенна становится ясно, что военные походы крымцев против остальных черкесских субэтносов и захват невольников идеологически оправдывались тем, что у них, в отличие от жанеевцев, не действовали нормы шариата. Причем он пишет не о формальной исламизации, а о реальном действии норм шариата. Это очень важное замечание, поскольку в других областях Черкесии знать формально исповедовала ислам, а большая часть народа придерживалась прежних полуязыческих–полухристианских верований. Именно тем обстоятельством, что в середине XVI в. еще были живы остатки христианства, объясняется уверенность адыгских князей, что основная масса народа положительно воспримет крещение, предпринятое по их просьбе Московским государством. Оно же, без сомнения, учитывалось и Крымским ханством, для которой формальной исламизации знати было недостаточно для прекращения военных действий против черкесов и захвата невольников, считавшихся неверными. Помимо этого Г. Фенн обращает внимание и на социальное положение потенциальных невольников, т.е. на то, что «райя, обитающие в их деревнях (крепостные – Ред.), составляют собственность их беков». Соответственно

они могли быть объектами купли-продажи, дани «под именем подарка» или захвата в качестве невольников.

Таким образом, с точки зрения Г. Фенна, два фактора оправдывали войну с черкесами и захват невольников: во-первых, они в большинстве своем не были мусульманами (поскольку у них не действовали нормы шариата); во-вторых, крепостные крестьяне составляли собственность князей и дворян.

По всей видимости, сведения турецкого историка следует отнести, в основном, к периоду с конца XV в. до 70-х гг. XVI, ко времени, на которое падают наиболее крупномасштабные и опустошительные военные походы крымских ханов против Кабарды и других областей Черкесии. Впоследствии их интенсивность снижается. И это не в последнюю очередь было связано с успехами исламизации. В силу этого отходят на второй план, а затем и вовсе теряется одна из главных побудительных причин военных нашествий на адыгов. Но дань в форме дарения, установившаяся в период наибольшего могущества Крымского ханства, по инерции сохранялась и до начала XVIII в., став своеобразной традицией. Отказ от ее уплаты привел к вторжению в Кабарду в 1708 г. 40-тысячного крымского войска, которое потерпело здесь сокрушительное поражение. В последующем военные походы крымцев инициировались самими кабардинскими князьями, когда с их помощью они расправлялись со своими внутренними противниками. В источниках XVIII в. уже не прослеживается их религиозная подоплека.

Однако, несмотря на успехи исламизации в этом столетии, вряд ли можно утвердить, что она охватила достаточно глубоко все слои адыгского общества.

Ксаверно Главани в своем «Описании Черкесии», сделанном в 1724 г., отмечал: «Их верования смешанные: они чтут субботу, воскресенье и пятницу, празднуют пасху с христианами и байрам с турками» (4, с.161). В другом месте своего описания он указывал, что «в стране существует несколько церквей с надписями, но неизвестно какими. На древних могилах встречаются кресты, которые я считаю латинскими» (4, с.163). По всей видимости сведения Ксаверно Главани относятся, главным образом, к западным адыгам. Поэтому интересно сравнить его впечатления со сведениями, собранными в Кабарде в апреле 1732 г. по приказу коменданта крепости Святого Креста весьма компетентным офицерами из числа кавказцев и присланными в Коллегию иностранных дел в Санкт-Петербург. Они не оставляют сомнений в том, что остатки христианства занимали значительное место в общественном сознании кабардинцев. В своем донесении комендант отмечал, в частности, следующее: «Кабардинцы издревле были все христианского закону; а ныне владельцы и уздени имеют закон магометанской, а крестьяне, живущие в деревнях, некоторые содержат веру и закон христианской несовершенной, и в некоторых деревнях есть благочестивые

церкви, токмо уже оставлены пусты, которые и посланные от меня за разными делами в Кабарде офицеры и дворяне довольно видели». (137, с.64)

Чем же объяснить это явление? При рассмотрении данной проблемы следует, конечно, учитывать такую универсальную черту религиозного сознания крестьянских масс, как его сравнительно большая инертность, приверженность языческим верованиям, аграрным культам и т.д. Но источники свидетельствуют, что знать не проявляла особого рвения в деле исламизации крестьян. В свою очередь это можно объяснить только тем, что она сама не отличалась глубокой религиозностью. Князья и дворяне, приняв ислам, усвоили, главным образом, его внешнюю ритуальную сторону. Не будучи ортодоксальными мусульманами, у них соответственно отсутствовали потребности обращать в свою веру другие слои общества. Но при этом остается открыт вопрос о причинах поверхностного восприятия адыгами ислама. Отвечая на него, нельзя забывать, что и христианство в свое время было воспринято ими недостаточно глубоко. Следовательно, на первом этапе изучения данной проблемы речь должна идти вообще о специфике религиозного сознания адыгов.

Здесь мы вплотную сталкиваемся с необходимостью изучения, с одной стороны, особенностей менталитета этноса в целом и отдельных социальных групп, а с другой – анализа тех форм или сфер общественного сознания, которые компенсировали ограниченность социорегулятивных функций религии.

Прежде всего следует указать на роль адыгэ хабзэ – универсального морально-правового кодекса адыгов. Всеобъемлющий характер ее норм позволял ей во многом заменять религию. Адыгэ хабзэ регулировала даже те сферы жизни, которые в других феодальных этнических социумах составляли компетенцию религии. Ее нормы были сакрализованы сперва язычеством, а затем христианством и исламом. Здесь можно говорить о своеобразном синкретизме религиозных верований, морали и права.

Адыгэ хабзэ являлась наиболее ярким и концентрированным выражением адыгского менталитета. Сравнительно-историческое изучение его особенностей делает только первые шаги. Основная трудность состоит в том, что его глубинная структура, образованная из специфических форм взаимосвязи бессознательных культурных кодов и рационализированных форм сознания, практически не поддается выявлению, в отличие от его внешних проявлений. Тем не менее мы считаем возможным отметить некоторые особенности менталитета, не способствовавшие или препятствовавшие полному утверждению монотеистических религий. К ним прежде всего относятся: парадоксальное сочетание в адыгском менталитете духа личной свободы и независимости с традиционализмом и прагматизмом; его чуждость отвлеченным идеям общего блага, народного суверенитета и

религиозного спасения; отсутствие в общественном сознании адыгов напряженного разрыва между должным и сущим, сферой трансцендентного и эмпирической реальностью; его погруженность в стихию повседневной жизни, не оставляющая места для размышлений о надмирном Боге, несовершенстве и бренности земного бытия; убежденность в ее завершенности и полноте; приверженность традициям, доходящая до их обожествления; циклическое восприятие времени; культ настоящего и прошлого; ориентация на прошлое в качестве идеальной модели мироустройства, на бесконечное повторение и воспроизводство прежних социальных образцов.

Что же касается степени религиозности различных слоев общества, то относительно князей и дворян можно сказать, что глубокой религиозной вере в их среде препятствовала такая черта их менталитета, как культ воинской доблести. В иерархии ценностейсловия благородных воинская слава занимала центральное место и являлась по существу эквивалентом бессмертия (225, с.135). Смерть на поле боя рассматривалась ими как священнодействие, а рыцарское служение долгу (включавшее в себя прежде всего военную службу у сюзерена) – как разновидность мирского аскетизма. Другими словами, следование суровым идеалом уэркъ хабзэ (кодексу дворянской чести) являлось своего рода аналогом религиозного подвижничества. Рыцарские идеалы в определенной степени заменяли религиозные ценности, восполняя их отсутствие или слабую выраженность. В этом плане уэркъ хабзэ, представлявшая собой квинтэссенцию адыгэ хабзэ, выполняла важные компенсаторские функции. В аристократическом сознании культ воинской славы сочетался с убежденностью в переменчивость воинской удачи, что не способствовало утверждению веры в предопределения Богом человеческой судьбы. Наконец, нельзя не обратить внимание и на такую особенность менталитета дворян, как чувство собственного достоинства (переходящее часто в гордыню), покоящееся прежде всего на сознании совершенства их образа жизни. А это в свою очередь мешало «раздвоению» мира, противопоставлению несовершенных, земных, греховных дел вечным и абсолютным ценностям потусторонней жизни.

Однако вряд ли правомерно все трудно объясняемые явления в религиозной истории адыгов относить только за счет их менталитета. Ссылаясь на его специфику, мы часто пытаемся объяснить нечто посредством того, что само по себе подлежит объяснению (*re-titio principii*).

Особенностями менталитета можно объяснить степень религиозности адыгов или формы сочетания у них различных верований. Но оставаясь в замкнутом круге его парадигм, мы не сможем выяснить процессы смены конфессиональной идентичности, т.е. саму динамику их религиозной жизни. Например, трудно будет понять, каким образом христи-

анство, просуществовавшее у них около одного тысячелетия, сменилось исламом, тогда как конфигурация их ментальных структур, в основном, оставалась прежней. В исторических источниках нет никаких данных, свидетельствующих о случаях внезапного и массового воодушевления новой религией, вызванных эндогенными факторами социально-психологического порядка.

Религиозным индифферентизмом можно объяснить (и то лишь частично) сравнительную легкость или безболезненность этого перехода, но не его основные причины, а тем более особенности и обстоятельства распространения ислама среди различных слоев общества. Для этого необходим другой уровень анализа, предполагающий выход за пределы ментальных структур и обращение к политическим, правовым и социокультурным факторам.

Как уже отмечалось, распространение ислама в Черкесии происходило под воздействием изменившихся геополитических и социокультурных ориентиров. Поскольку в принятии ислама социальная элита руководствовалась утилитарными политическими соображениями, такой же прагматический подход она, по всей видимости, проявляла и в вопросе исламизации крестьян. Казалось бы, адыгская знать, усвоив внешнюю обрядовую сторону новой религии, должна была по логике вещей внедрить соответствующие религиозные обряды и среди крестьян, учитывая громадную роль символов и ритуалов в жизни традиционного феодального общества. Для этого князья и дворяне располагали всеми средствами экономического, политического и духовного принуждения. И если этого не происходило, то, вероятно, лишь потому, что это не соответствовало их интересам.

Ислам, исходящий из идеи равенства всех людей перед Богом, был в принципе направлен против сословной иерархии и эксплуатации. Шариат по сравнению с адатом предоставлял крепостным крестьянам гораздо больше прав, ограждая в определенной мере их личные и имущественные права. В частности, он запрещал продажу мусульман. Конечно, в реальной действительности принятие ислама крепостными не приводило автоматически к их освобождению. Да этого и не могло быть, учитывая, что пши и уорки в это время в полном объеме сохраняли прежнюю власть над ними. На первых порах они могли быть лишены права (и то весьма формально) разделять их семьи и продавать порознь за пределы княжеских владений. Здесь, вероятно проходила линия пересечения, взаимодействия и синтеза шариата с адатом, рассматривавшим крепостных как субъектов права. Как бы там ни было, в перспективе последовательное распространение норм шариата на все общество неизбежно трансформировало бы взаимоотношения владельцев и крепостных крестьян, создав угрозу разрушения крепостнического строя и феодальной иерархии в целом.

Вот почему господствующие сословия, руководствуясь социальным инстинктом самосохранения, предпочитали адат шариату. Обычное право юридически закрепляло словное неравенство и феодальную эксплуатацию. Это обстоятельство объясняет одну из причин отсутствия у них стремления обращать в свою веру (т.е. в ислам) подвластных им крестьян. С другой стороны, принадлежность к исламу, парадоксальным образом противопоставляя знать черни, являлась дополнительным дифференциальным признаком между ними в сфере культуры, что объективно поддерживало существующий социальный порядок в прежнем виде.

Но будущее показало, что в религиозной неоднородности этноса был заложен мощный конфликтогенный потенциал: она дополняла и усугубляла его социальный раскол. В 60-е гг. XVIII в., когда колониальная экспансия России в Центральном Предкавказье диктовала необходимость консолидации всех слоев кабардинского общества, крестьяне не успели интегрироваться в этноконфессиональном плане с социальной элитой. Поэтому политика царизма по разжиганию конфликтов между владельцами и их крепостными пала на благодатную почву.

Та сравнительная легкость, с которой России удавалось убеждать кабардинских крестьян бежать от своих владельцев, переселяться на подконтрольную ей территорию и принимать крещение, объясняется (помимо очевидных экономических, социальных и политических причин) также и тем, что они в подавляющем большинстве не были исламизированы в той степени, чтобы противопоставить себя христианам, считая их неверными. Следует при этом заметить, что отчужденность их от своих владельцев в религиозном отношении усугублялась тем, что значительная их часть состояла «из пришельцев из разных мест» (137, с.323). Соответственно, у них весьма слабо было выражено сознание принадлежности к адыгскому этносу, в том числе и к кабардинской субэтнической общности, не говоря уже об отсутствии таких составляющих этнического самосознания, как мистическая сопричастность с землей предков, религиозно-мифологическое отождествление с исторической судьбой народа, любовь к родине и другие чувства и представления, которые могли бы подвигнуть их на яростное сопротивление агрессорам. На этноконфессиональную дезинтеграцию крестьян накладывалась их социальная разобщенность, раздробленность их средневековыми перегородами, обусловленными в свою очередь различным социальным статусом, принадлежностью разным владельцам, отсутствием собственной организации (типа сельской общины), способной отстаивать их интересы, что в целом превращало их в косную и инертную массу, не способную возвыситься над своими узкоутилитарными интересами, мыслить категориями общего блага и суверенитета, сопереживать борьбе Кабарды за свою независимость. Наконец, нельзя забывать о том, что последняя

представляла собой «малую феодальную империю», которая характеризовалась полиэтнической структурой, вхождением в ее состав горских народов Центрального Предкавказья, рыхлым этнополитическим ядром, разделенным на княжеские микроуделы и сотрясавшимся внутренними антагонизмами. Все это поставило Кабарду на край гибели при ее столкновении с Россией.

Шариатское движение стало своеобразным ответом на эту опасность.

2.6. Стагнация

Описание особенностей адыгского феодализма на основе материалов, относящихся к кабардинцам, вызвано двумя причинами: во-первых, крайней скудностью данных источников по другим адыгским субэтносам; во-вторых, тем обстоятельством, что он достиг своих классических, наиболее завершенных форм именно в Кабарде.

В XVI – начале XVII вв. кабардинский феодализм достиг внутренне заданных пределов, оказавшись не в состоянии породить новые формы социальной организации. Заканчиваются феодализационные процессы, и общество раскалывается на две резко поляризованные части. Закрепощенному крестьянству противостоит многочисленный и хорошо сплоченный господствующий класс, вассально-иерархическая структура которого оформилась еще до XIII-XIV вв. Обнаруживаются и пределы внешнего роста адыгского феодализма: существенно замедляется колонизация кабардинцами стратегически важного района при впадении Терека в Каспийское море, и начинается процесс обратного движения к историческому центру Кабарды.

В XVII–XVIII вв. развитие кабардинского общества сводилось к бесконечному повторению прежних социальных образцов, демонстрируя свою неспособность к самообновлению и прогрессу. Предельная стандартизация и унификация всех сторон общественной жизни сочетались с хроническими феодальными междоусобицами. Но и они, став составной частью политики сбалансированного равновесия между княжескими уделами, в конечном счете жестко институционализируются, не теряя при этом свой разрушительный характер. Более того, их деструктивный потенциал увеличивается на фоне прогрессирующего самораспада общества. Узаконив феодальную «анархию», кабардинцы тем самым предрешил и свою судьбу, ускорив ликвидацию собственной независимости.

Междоусобицы кабардинских князей во второй четверти XVIII в. обернулись значительными воинскими потерями, опустошением крестьянских хозяйств и обнищанием феодальных владельцев. Потребность князей в увеличении численности незнатных урков и улучшении собственного благосостояния за счет средств, полученных при отпуске хо-

лопов на волю, породила массовые освобождения крепостных крестьян.

Однако к середине XVIII в. Кабарда оказалась в таком социальном и политическом тупике, из которого не помогло выйти и освобождение значительной части крестьян от крепостной зависимости. Внешне это явление напоминало процессы, имевшие место в странах Западной Европы в XIV–XV вв. Но, в отличие от них, в Кабарде освобождение крепостных не приводит к появлению трансформационного капиталистического уклада. Наоборот, оно стало одним из важных средств укрепления прежней социальной системы. Крестьяне, выкупившись на волю, стремились стать крепостниками, вотчинниками, копируя модель взаимоотношений дворян со своими крепостными. Многие из них достигали этой цели. Не случайно, в это время широко распространяется практика аноблирования крестьян. В итоге общество сохраняло и укрепляло свои традиционные основы.

Необходимо подчеркнуть, что в стагнирующем кабардинском феодальном обществе рост численности дворян принял гипертрофированный характер. Тем не менее этот процесс подчинялся прежним законам его функционирования. С точки зрения потребностей внешней обороны Кабарда в середине XVIII в. нуждалась в гораздо меньшем количестве профессиональных воинов-дворян, чем до Белградского мирного договора 1739 г., по которому она было объявлена независимой. Турция и Россия обязались не нарушать ее суверенитет. В это время отсутствовали и подходящие объекты для завоевательных войн, поскольку племена и народности Центрального Предкавказья задолго до этого подчинились кабардинским князьям и платили им твердо фиксированную дань. Анализ внутри- и внешнеполитической обстановки в Кабарде данного периода показывает, что увеличение количества дворян определялось не внешней угрозой, а продолжавшимися междоусобицами, постоянно растущими потребностями удельных князей в войсках для ведения самостоятельной внутренней и внешней политики. Следовательно, вся энергия, требовавшаяся раньше для отражения внешней агрессии, обращается теперь на внутренние распри и войны, т.е. по сути дела на самоуничтожение. В этих условиях даже институт наездничества, не находя соответствующей сферы приложения, начинает действовать не за пределами Кабарды, а внутри нее, вырождаясь в обыкновенный грабеж и разбои, о чем неопровержимо свидетельствуют источники середины XVIII в.

Рост удельного веса дворян (при сохранении прежнего уровня развития производительных сил) ложился дополнительным бременем на общество. Он приводил к уменьшению прибавочного продукта, создаваемого крестьянами, что толкало уорков к усилению их эксплуатации. Это, в свою очередь, сопровождалось нарушением обычно-правовых норм, разорением крестьянских хозяйств, подрывом общественного благосостояния и, соответственно, обострением социальных антагонизмов. Таким образом, рост численности

дворян усиливает разрушительные начала в обществе, усугубляя его дезинтеграцию. В результате он парадоксальным образом оборачивается ослаблением его военной мощи.

Нельзя не сказать и о том, что дальнейшее дробление Кабарды на княжеские микроуделы не уравновешивалось в сколько-нибудь заметной степени обратными центростремительными силами. Общекабардинские сословно-представительные собрания уже не созывались, а временные политические союзы князей не только не способствовали достижению общенационального согласия, но и всемерно подрывали его, провоцируя новую волну междоусобиц.

Что же касается вотчины, то ее структура перестала отвечать потребностям дальнейшего общественного развития кабардинцев, во многом определив его стагнацию и тупиковый характер. Сказанное относится и к «аристократическим» адыгам Западной Черкесии.

Поскольку система феодальных институтов оказалась неспособной обеспечить дальнейшее развитие общества и выполнять в должной мере функции его интеграции и самосохранения, есть основание говорить о существовании внутренних предпосылок для кризиса феодализма или о его предкризисном состоянии в середине XVIII в. Однако все это выявилось лишь в последующий период под воздействием внешнего фактора, без которого эти институты, вероятно, могли бы существовать еще очень долгое время, повторяясь в одних и тех же формах. Другими словами, обнаружившуюся историческую бесперспективность не следует считать процессом их непосредственного кризиса, деформации и разрушения, что и произошло в конце XVIII – первой половине XIX вв.

В.Х. Кажаров